

Благотворительный фонд «Путь»

*Никто моей души
не знает, кроме Бога ...*

Махачкала 2010

ББК
УДК

Благотворительный фонд «Путь»

www.islamdag.ru

Руководитель проекта «Любимая книга» - Патимат Гамзатова

Ответственный за выпуск - Ахмад Магомедов

Редактор - Хаджи-Мурат Раджабов

Корректор - Айна Леон

Дизайн и вёрстка - Хадиджа Баймурзаева

Никто моей души не знает, кроме Бога. – Махачкала, 2010. – 163 с.

Весь «золотой век» русской поэзии и литературы – XIX век – осенен пальмами Арабского Востока, пронизан мелодиями татарских и кавказских песен, колокольчиками верблюжьих караванов среди палаток и пыльных селений под жарким южным солнцем...

Книга одобрена Экспертным советом
Духовного Управления Мусульман Дагестана

Регистрационный номер ____ от _ сентября 2010 г.

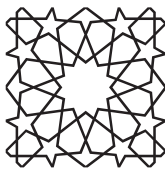
Ответственный эксперт:

ISBN

© Благотворительный фонд «Путь»

Ислам и мусульмане в русской литературе XIX века

Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Толстой – имена этих великих русских поэтов и писателей известны всему миру. Их произведения – золотой фонд мировой классической литературы. Но, наверно, не все почитатели их таланта знают, что эти люди уделяли большое внимание в своем творчестве Исламу и мусульманам.

Русско-турецкая война 1829 г. завершилась Адрианопольским миром и канун 1500-летия переноса Константином Великим столицы из Рима и Византию. Накануне 8 августа русские без боя вошли в Адрианополь, остановившись перед незащищенным Стамбулом.

Участниками этих событий оказались два великих поэта и дипломата – Пушкин и Тютчев. Пушкин с войсками генерала Паскевича вошел в Арзрум, Тютчев представлял русскую дипломатию в Европе. Отход русских от незащищенного Стамбула Пушкин связал с походом князя Олега на Царьград в IX в. Стихотворение «Олегов щит» – предупреждение государю и потомкам:

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И правила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной.
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты привоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.
Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели;
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.
Чудом явились строки «Олегова щита»:
«Алах! Пролей на нас Твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой – Магомет! ...»
«О наша крепость и оплот!
Великий Бог! Веди нас ныне,
Как некогда Ты вёл в пустыне
Свой избранный народ!»
Глухая полночь! Всё молчит!
Вдруг ... из-за туч луна блеснула –
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит!

Великие поэты взывали к Аллаху ﷻ и памяти вождя русских Олега, предупреждая горячие головы по обе стороны Черного моря о пагубной мечте завоевания Стамбула-Константинополя и о гибельности движения Османской империи за Черное море на Россию. С утратой веры и традиций связывает Пушкин оживление возмутителей равновесия между Турцией и Россией (1830):

*Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованной пятой,
Как змия спящего, раздавят,
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул пред бедой.
Стамбул отрёкся от Пророка;
В нём правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил -
Стамбул для сладостей порока,
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул от поту битвы
И пьёт вино в часы молитвы.
Там веры чистый дух потух.
Там жёны по базару ходят,
На перекрёстки шлют старух,
А те мужи в харемы вводят
И спит подкупленный евнух.
Пришло наказание:
Аллах велик!
К нам из Стамбула
Пришёл гонимый янычар -
Греша в объятиях пожаров.
Валились дома янычаров;*

*Окровавленные зубцы
Везде торчали; узли тлели;
На кольях скочась мертвецы
Оцепенелые чернели.
Аллах велик! - Тогда султан
Был духом гнева обуян.*

Появились «Подражания Корану» А. Ротчева (1828), «смелые» подражания Пушкину по форме. Его произведение посвящено созданию Творцом ﷻ «небес и человека»; ниспосланию Пророку Мухаммаду ﷺ «создания тайны» и «благого слова»; вере в судьбу и «Судный день», «Всесильности Творца» и «строптивости богача».

Пишущим о Священных Писаниях и пророках, помимо «внимательности и старания», отмечают улемы, нужна, прежде всего, вера в душе. Так Пророк Мухаммад ﷺ передал слова Всевышнего ﷻ о себе первым мусульманам и потомкам: «Скажи: «О люди! Я всего лишь простой человек, предостерегающий вас»». Прекрасно знающий Пушкина, как говорил автор нижеследующих строк Ф.Ф. Вигель, то ли не знал вышеприведенный аят и такого же содержания хадисы, то ли был неверующим Фомой, пишет в поэме «Мухаммад»:

*Нисшёл пророк, посланник новый неба,
Боготворит его Аравии народ;
Эмина видит в нём свой первый плод
И ветвь, цветущую потомства Муталиба.
Но он плодом Земным себя не признаёт.*

Здесь арабское имя Пророка Мухаммада ﷺ, имена его матери Эмины (Амины) и дяди Муталиба. Но последняя строка этой песни не отвечает ни Священному Корану, ни пятой части цикла Пушкина, в которой приводится одно из основных положений Ислама. Сура 112 (смысл):

Скажи: Он – Аллах – Един, Аллах Вечный; не родил и не был рождён, инее был Ему равным ни один!

Может быть, не случайно прервалось давнее знакомство автора с Пушкиным и его кругом после неуважительных слов, высказанных им о государе Николае в присутствии Пушкина.

Знакомый Пушкина А.Ф. Вельтман публикует стихотворение «Мухаммад», посвященное жизненному пути Пророка ﷺ. В нем звучат слова о грядущем Рае:

*Восток! Тебе на лоне Абразма
Отверсты горные, сапфирные врата.
И вечный цвет любви под пальмами Эдема
Готови сладкие объятья и уста!*

В историю вошли слова Вельтмана, которые он сначала произнес Пушкину и его знакомым, навещавшим его больного в Кишиневе, а потом отдал записку с теми же словами о Пушкине, «плащ которого накроет всю Россию». Может быть, Пушкин вспомнил аят Священного Корана, обращенный к Пророку Мухаммаду ﷺ: «О ты, завернувшийся в плащ свой! Встань и увещевай!»

Лермонтов рано вошел в мир Ислама с пушкинским «Кавказским пленником». Его с детства покорила Кавказ, открывший ему Восток: «Начал учиться татарски, язык, который здесь необходим, как французский в Европе... Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть и тайнства азиатского мирозерцания, зачатки которого для нас мало понятны. Но поверь мне, там на Востоке, тайник новых откровений». Одно из них, предсказанное Пророком Мухаммадом ﷺ, что после него будет три века движения и десять веков отступления, а затем нового движения (XXI в.), угаданы в его песне «Споре», где сказано:

*Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.*

Восточная песня «Измаил-Бей» одна из самых ранних Лермонтова. Она создана в 1832 г., когда имамом Чечни стал Шамиль, воевавший с русскими. Измаил принял новую веру, но, не считаясь с нравами русских, он ушел назад. С радостью его встречает брат и вождь Росламбек:

*«Велик Аллах и Магомет» -
... Сама могила
Покорна им! В стране чужой
Мой брат храним был их рукой: -
Вы узнаете ль Измаила?
Между врагами он возрос,
Но не признал он их святыни ...*

Лермонтов чудесно пересказал турецкую сказку «Ашик-Кериб». Она о любви дочери богатого тифлисского купца и поэта Ашик-Кериба, кому «Пророк не дал ничего, кроме высокого сердца и дара песен». Поэт клялся, что за семь лет странствий соберет калым на свадьбу. В Халафе он пел во дворе правителя, и забыл родителей и невесту Мигуль. Она искала его всюду, и за три дня до истечения семи лет ее купец нашел его.

Когда от бешеной гонки скончался его скакун, он воскликнул: «Аллах Всемогущий, если Ты уже мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать». Он хотел броситься с высокого утеса, но увидел грозного всадника на белом коне. То был Харлиаз (св. Георгий), посланный Аллахом ☞.

Ашик-Кериб очутился в день свадьбы Магуль дома, взял свой сааз (турецкая балалайка) и запел на свадьбе песню: «Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; перед заходом солнца творил в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай Бог, чтобы я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелье, из ущелья в гору; Маулем (Создатель) дал Ашику кры-

ля, и он прилетел на свадьбу Магуль – Мегери». Песня покорила всех. Жених, так же семь лет ждавший Магуль, сказал: «Что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует». В сказке изложены столпы веры мусульман: вера в Единого Аллаха ﷻ, время и количество намазов, вера в пророков, ангелов, в судьбу. О вечности Творца ﷻ в его обращении к «Казбеку» (1841):

*Спеша на север издалека,
Из тёплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж Востока,
Привёз я - странник - свой поклон.
Чалмою белую от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.
Но сердце тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надзвёздный край, в твоё владенье,
К Престолу вечному Аллы.*

О веротерпимости стихи Лермонтова «Я к вам пишу случайно ...» (1840):

*... Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За всё я равно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса Востока*

*Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили ...
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Говорит не поднимая глаз ...*

На войне нет атеистов, на войне часто говорят о судьбе и смерти, о том, что иным дано угадать смерть человека. О том рассказ Лермонтова «Фаталист»: «Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между ними христианами, много поклонников». Поручик Вулич на пари выстрелил себе в лоб, пистолет дал осечку. Проигравший пари Печорин сказал Вуличу: «Отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть». Так и случилось: ночью Вулича разрубил саблей пьяный вахмистр.

В «Подражаниях Корану» пушкинские слова «молитву смиренно твори» относятся к Пророку Мухаммаду ﷺ, потом он напишет о «молитве» своей няни, Арины Родионовны, у Лермонтова – к каждому из «следующих пророку». Слова «не поднимая глаз» – это азбука искренне верующего. Лермонтова, «быть может», «невольно сблизили» с Исламом «небеса Востока», а Пушкина прапрадед «Ибрахим» Ганнибал или полный поэзии «небесный Коран».

В «Сияющем Коране» и первой части «Подражаний Корану» Пушкина звучат клятвы Бога ﷻ. Лермонтов создал «Демона. Восточную повесть». Для оболыщения дочери Синодала Тамары Демон лишил жизни ее жениха, дал лицемерные клятвы:

*Клянусь я первым днём творенья,
Клянусь его последним днём,
Клянусь позором преступоенья
И вечной правды торжеством.*

Здесь вера в Судный день, где правда восторжествует над позором преступления.

*Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе тебе достойном
Следы небесного огня;
И мир в неведение спокойном
Пусть доцветает без меня!*

Ф.М. Достоевский говорил о проникновении Пушкина в дух Корана, может быть, первого из поэтов, назвавшего Ислам мировой религией, а не созданной Пророком Мухаммадом ﷺ.

Владимир Соловьев, автор книги «Магомет: Его жизнь и религиозное учение», пораженный любовью Пушкина к Пророку Мухаммаду ﷺ, сказал: «Ведь Мухаммад в «Подражаниях Корану» говорит гораздо ярче и историчнее Пророка». «Ярче Пророка» – это сравнение с переводами Священного Корана на русский язык и не более. Не каждому дано слышать Священный Коран, как Пушкину, Лермонтову, Тютчеву ... Гоголь читал лекции студентам об идеальном правителе «Аль-Мамуне, говорил об «огненных словах Корана».

«Историчнее Пророка», может быть, только Священный Коран и сунна Пророка Мухаммада ﷺ. Пушкин, говоривший, что «история принадлежит поэту», в одно и то же время автор «Подражаний Корану» и Пророку Мухаммаду ﷺ, подражаний арабскому («Отрок милый, отрок нежный...»), подражаний итальянскому («Как с древа сорвался предатель ученик...»), подражаний древним. История, к созданию которой стремились и будут стремиться летописцы, историографы, археологи ..., написана Творцом ﷻ задолго до создания Земли и «множества миров».

Ислам в творчестве А.С. Пушкина

«Я тружусь во славу Корана ...»

А.С. Пушкин

Встреча с поэмой «Подражания Корану» А.С. Пушкина – всегда открытие. Она – поклонение Всевышнему ﷻ и Пророку Мухаммаду ﷺ. О такой исповеди Творцу ﷻ и любви к Его Пророку ﷺ может только мечтать благоверный мусульманин. Поведать дух Священного Корана Пушкину было дано свыше.

Встреча поэта с миром Ислама произошла во время его путешествия по Северном Кавказу, Крыму и Бессарабии. Он видел памятники мусульман, вслушивался в молитвы, наблюдал и размышлял о мусульманах. Отсюда его поэмы «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан», вылившиеся в «Подражания Корану».

Светлое отношение Пушкина к Востоку, Исламу и Пророку Мухаммаду ﷺ удивило современников. «Слог восточный был для меня образцом, – писал Пушкин поэту Денису Давыдову, – сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам». Друзья и знакомые называли его «апостолом Мухаммада», писали об его арабских предках Ганнибалах. Само

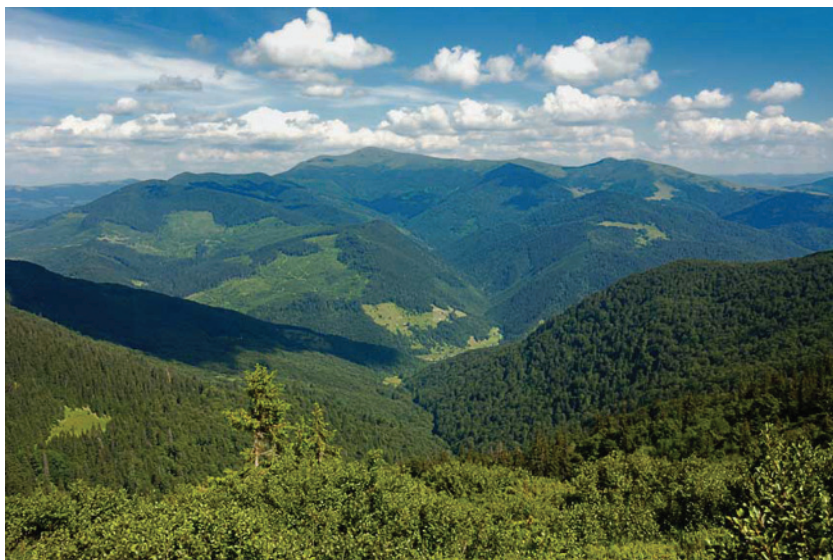
название поэмы – «Кавказский пленник» – предвидение прискорбных событий в Чечне, настоящих «кавказских пленников». Концовка «Черкесской песни» – «Чеченец ходит за рекой» – вошла в поговорку, означающую любую опасность для человека. Оправдалась и его «печаль» о нынешней Грузии. Одноименные произведения создали, воевавшие на Кавказе, М. Лермонтов и Л. Толстой. Оба гения в разной форме повторяли мысль Пушкина о необходимости понимания, что «нельзя вечно жить вооруженным, в постоянной тревоге набегов, этому должно положить конец. Но придет время, и мы заживем мирно и дружно».

Эпиграфом к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкин взял слова персидского поэта Саади: «Многие, как и я, посещали сей фонтан, но иных уж нет, а другие странствуют далече». В «Татарской песне» поэмы звучат «Святые заповеди Корана» – о совершении хаджа в Мекку, о Рае – награде погибшему воину:

*Дарует небо человеку
Замену слёз и частых бед:
Блажен факир, узревший Мекку,
На старости печальных лет.
Блажен, кто славный брег Дуная
Своею смертью освятит:
К нему на встречу дева Рая
С улыбкой страстной полетит.*

В первой части «Подражаний Корану» – строки о ниспослании Пророку Мухаммаду ﷺ Сияющего Корана, о могуществе Творца ﷻ, милости и любви Бога ﷻ к Пророку ﷺ и верующим в Судный день и Рай.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянусь Я утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:
Нет, не покинул Я тебя,
Кого же в сень успокоенья
Я ввёл, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?
Не Я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не Я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
Мужайся ж, презирай обман,
Стезёю правды бодро следуй,
Люби сирот Мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

Слова «Люби сирот» навеяны сурой «Подаяние». Это память о заботе Пророка Мухаммада ﷺ о детях погибших мусульман – пример следования вере. Слова «Мой Коран» вновь подчёркивают характер ниспосланности Священного Корана Пророку Мухаммаду ﷺ Всевышним ﷻ.

Вторая часть «Подражаний» посвящена жёнам и жизни Пророка Мухаммада ﷺ.

*О жёны чистые Пророка.
От всех вы жён отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!
А вы, о гости Магомета!
Стекаясь к вечера его,
Брезитесь суетами света
Смутить Пророка Моего.
В паренье дум благочестивых,
Не любит он велеречивых,
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых.*

«Жены пророка! Вы не то, что все другие жены; если вы богобоязненны, то не будьте слишком ласковы в

словах ваших, чтобы в том, у кого в сердце болезнь, не было желаниа на вас; говорите разговором хорошим», – сказано в Коране. Первая жена Пророка Мухаммада ﷺ, вдова Хадиджа ﷺ, была старше его на пятнадцать лет. Она первой уверовала в его пророческую миссию, став первой мусульманкой. При ней Пророк Мухаммад ﷺ не брал себе других жен. После её смерти его жёнами были дочь превого халифа Абу Бакра ﷺ, Айша ﷺ, запомнившая более тысячи хадисов о том, как поступал Пророк ﷺ в том или ином случае, что он говорил по тому или иному поводу, вдовы погибших братьев, сестра одного из могущественных его противников, впоследствии принявшего Ислам.

В основу третьей части «Подражаний» положены суры «Нахмурился», «Хадж», «Падающие»... Она начинается с явления слепого человека:

*Смутясь, нахмурился Пророк
 Слепца послушав приближенье:
 Бежит, да не дерзнет порок
 Ему являть недоуменье.
 С небесной книги список дан
 Тебе, Пророк, не для строптивых;
 Спокойно возвещай Коран,
 Не пробуждая нечестивых!
 Почто ж кичится человек?
 За то ль, что наг на свет явился?
 Что дышит он не долгий век,
 Что слаб умрёт, как слаб родился?
 За то ль, что Бог и умертвит
 И воскресит его – по воле
 Что с неба дни его хранит*

*И в радостях и в горькой доле
За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды,
И ветроград, и холм, и ниву?
Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет
И все пред богом притекут
Обезображенные страхом
И нечестивые падут
Покрыты пламенем и прахом.*

Последние два четверостишия навеяны многими аятами, например (смысл): «В тот день, как вы его увидите, каждая кормящая забудет того, кого кормила, а каждая обладательница ноши сложит свою ношу. И увидишь ты людей пьяными, но они не пьяны. Но наказание Аллаха – сильно» (Коран, 22:2).

Четвертая часть перелагает аят (смысл): «Разве ты не видел того, кто препирался с Ибрахимом о Господе его за то, что Аллах дал ему власть? Вот сказал Ибрахим: «Господь мой, Который оживляет и умерщвляет». Сказал Он: «Я оживляю и умерщвляю». Сказал Ибрахим: «Вот Аллах выводит солнце с востока, выведи же его с запада». И смущен был тот, который не верил: Аллах ведь не ведет прямо людей неправедных!»

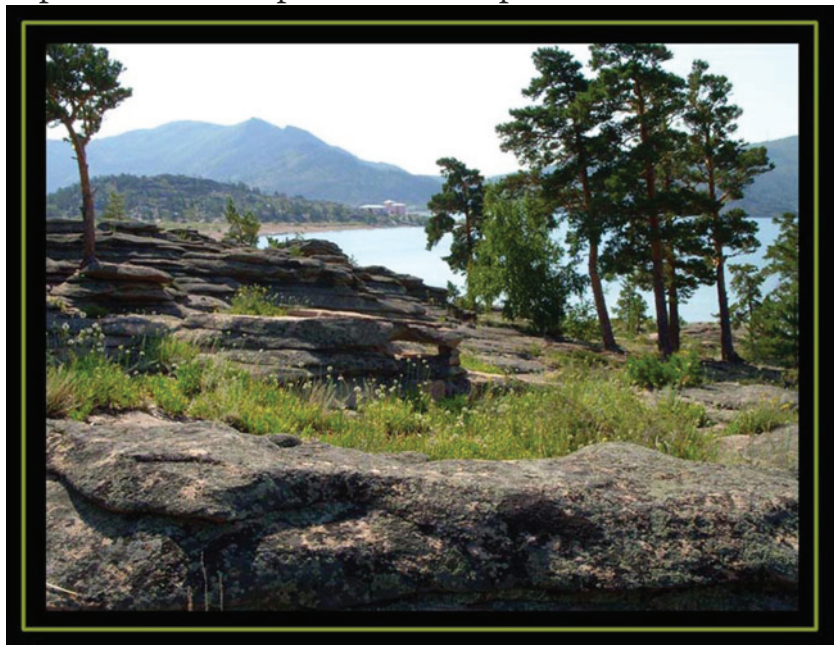
*С Тобою древле, о Всевышний,
Могущий, состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;*

Но Ты, Господь, его смирил.
Ты рек: Я миру жизнь дарю,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань Моя.
Я так же, рек он, жизнь дарю,
И так же смертью наказую:
С Тобою, Боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева Твоего:
Подъемлю солнце Я с востока;
С заката подыми его!

Первые два четверостишия пятой части «Подражаний» посвящены Творцу ﷻ и Его ﷻ могуществу:

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны Тобой,
Да не падут на сушу воды
И не падают нас собой.
Зажёг Ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лён, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.
Творцу молитесь; Он Могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насыляет тучи;
Дает земле древесну сень.
Он милосерд: Он Магомеду
Открыл Сияющий Коран,
Да притечём и мы ко свету
И да падёт с очей туман.

Пушкинский эпитет «Сияющий Коран» дополняет известные определения Последнего Писания: «Ясный, Благородный, Славный, Мудрый». Слова «небесный Коран» содержат ответ противникам Ислама, отрицающим ниспослание Священного Корана Пророку Мухаммаду ﷺ. Слова «да притечём и мы ко свету» отражают идею мирной сущности Ислама. Слово «притечём» повторяет слово второго стиха «стекаясь».

«Притечём!». Как реки впадают в моря, так и люди вливаются в умму мусульман из среды иудеев, христиан, атеистов и язычников. «Притечем», чтоб «пал с очей туман». А слово «Свет» является и именем Аллаха ﷻ и названием суры, содержащей следующие слова (смысл): «Аллах – Свет небес и земли... Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает...» Вытекает

эта песня из суры «Ибрахим» (смысл): «Я Аллах – Видящий. Книга, которую Мы ниспослали тебе, дабы мог ты вывести по соизволению их Господа из тьмы на свет, на путь Могуущественного, Достохвального».

Шестая часть поэмы посвящена погибшим на поле брани с язычниками и идолопоклонниками. В ней – о Рае, ожидающем погибших.

В седьмой части Пушкин перелагает суру Корана «Семейство Имрана». Она начинается с обращения к Пророку ﷺ – «Восстань!» Да, к Пророку Мухаммаду ﷺ, родившемуся в Мекке, где с незапамятных времен живут язычники, иудеи, христиане, проповедовать новую религию – значит восстать:

*Восстань боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смирненно твори;
Небесную книгу
До утра читай!*

«В пещере твоей» – в пещере горы Хи́ра, где долгое время молился Пророк Мухаммад ﷺ, ночью 24 числа месяца рамадана 610 г. по воле Аллаха ﷻ явился ему ангел Джibraил с «Небесной Книгой», о чем слова суры «Ночь Свершения».

Как и Пророк Мухаммад ﷺ, как и старцы-пустынники, говорившие, «когда один – я с Богом», Пушкин чтит «студенческую келью» Лицея, «маленький грот» в Гурзуфе, «большой серый грот» в Каменке, хранил «внутреннюю келью своего сердца», в пещере со «святой лампадой» в имении Михайловском явились Пушкину «Подражания Корану» и стихи:

*В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран;
Внезапно ангел утешенья,
Взлетев, принёс мне талисман.
Его таинственная сила ...
Слова святыя начертила
На нём безвестная рука.*

Восьмая часть поэмы – это молитва на слова «любви сирот», приведенные в первом стихе, о чем звучат аяты многих сур, например, «Подаяния»:

*Горюя совестью пред бледной нищетой,
Не сыпь своих даров расчётливой рукой:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.
Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань, –
Знай: все твои дары, подобно горести пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут – Господом отверженная дань.*

Сиротство коснулось пророков Мусу (Моисея) ﷺ и Мухаммада ﷺ. «В откровении матери Мусы Мы сказали: вскорми его и, тогда ты убоишься за него, кинь его в море; не бойся, не печалься. Мы возвратим его к тебе и сделаем его посланником». Отец Пророка Мухаммада ﷺ умер еще до его рождения; шестимесячным ребенком он был взят на воспитание в племя кочевников; в шесть лет он потерял мать.

Закят или подаяние – не милостыня и не любезность для сирот и бедных, это налог братства. Закят связан с правами бедных и слабых на часть имущества богатых. Имущество человека – достояние Аллаха ﷻ: «...Если знаете в них доброе; наделите их чем-нибудь из своего имущества, каким наделил вас Бог». Милостыня – это доброе слово, сочувствие в горе, любая помощь и услуга. «Поэтому у бедняка не меньше возможностей подавать милостыню, чем у богача, и в этом отношении они равны».

Последняя, девятая часть «Подражаний» навеяна сурой «Корова» (Коран, 2:261). В ней о слабости путника, «роптавшем на Бога»; о милосердии к нему «Владыки небес и земли»:

*И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой.
И ветхие кости ослицы встанут,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он далее пускается в путь.*

Долгое время после пушкинского стихотворения «Талисман», в Крыму были в ходу аналогичные талисманы или лубочные картинки изображающие «красивую татарскую девочку в нарядной национальной одежде, передающей в дар своей подруге кольцо талисман»:

*Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь
Мне вручила талисман -
В нём таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый.
Не спасёт мой талисман.
И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников Пророка
Он тебе не покорит.
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран.
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман ...
И когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя:
Милый друг! От преступленья,*

*От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман.*

Язычники Мекки утверждали, что Коран якобы представляет собой стихи, сочиненные Мухаммадом ﷺ. К ним и их последователям обращены слова Творца ﷻ (смысл): «Да, они говорят: он – путаница сновидений. Он выдумал его; он поэт», и слова Пушкина:

*Они твердили, пусть виденья
Голкует хитрый Магомет,
Они ума его (творенья),
Его ль нам слушать – он поэт!*

Тема Ислама осталась с Пушкиным. Не раз в Коране и хадисах Пророка Мухаммада ﷺ звучат слова о том, что словам и деяниям предшествуют «намеренья» человека. Отсюда пушкинские слова («Борис Годунов»):

*Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья Единый видит Бог.*

В рукописи «Евгения Онегина» были слова:

*В Коране много мыслей здравых,
Вот, например: «Пред каждым сном
Молись; беги путей лукавых,
Чти Бога и не спорь с глупцом».*

В конце стихотворения «Памятник» звучит: «И не оспоривай глупца». Вспомним строки «Пророка»:

*Он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую вогнул.*

Эта идея навеяна Кораном (смысл): «Разве не расширили Мы тебе грудь твою и не избавили тебя от ноши твоей?», хадисом о Пророке Мухаммаде ﷺ, кому ангелы раскрыли грудь, вынули и очистили сердце снегом и, вложив его в грудь, удалились. Завершающие слова исповеди автора и призыва Бога ﷻ «Восстань, Пророк...» повторяют слова молитвы, обращенные к Пророку Мухаммаду ﷺ в начале седьмой части поэмы «Восстань боязливый...».

Пушкин называл себя «угадчиком», ибо Пророк Мухаммад ﷺ был последним Посланцем ко всем народам.

Достоевский и Ислам

Даже само сопоставление двух понятий «мир Достоевского» и «мир Ислама» может шокировать тех, кто привык воспринимать наследие Федора Михайловича как «русскую идею» по преимуществу, как убежденность в «исключительности спасительного православия». Но опыт великого русского писателя и мыслителя, оказывается, шире. Да, он переживал за Россию и мечтал о ее величии. Да, он был христианином. Но при этом, оказывается, личное общение с искренними мусульманами и осмысление духовного опыта Пророка Мухаммада ﷺ были очень важны для него. Более того, он понимал глубинное единство авраамических религий. И его наблюдения не утратили актуальности и в наши дни. Об этом мне довелось поговорить с доцентом кафедры русской литературы Башкирского государственного университета Валентиной Васильевной Борисовой.

Как вы считаете, насколько справедливо привычное восприятие Достоевского как «почвенника»? И действительно ли он глубоко интересовался Исламом?

– Внутренний мир Достоевского шире узких школьных штампов и сложившихся представлений о нем. Его мысль всегда находилась в поиске, а пережитый личный жизненный опыт был огромен. Напомню, он испытал мгновения, когда приговоренных к смертной казни внезапно помиловали, он познал российскую каторгу, общался как с падшими, униженными и оскорбленными, так и с мудрецами и властителями своего времени.

А Исламом он интересовался очень глубоко, поскольку имел живой опыт общения с мусульманами. Не нужно забывать, что молодой Достоевский 9 лет прожил в Азии: сначала в Омске на каторге, затем 4 года в Семипалатинске. И самым близким и дорогим для Федора Михайловича в последние годы пребывания в Азии стал известный и тогда, и сейчас востоковед, замечательный человек Чокан Чингисович Валиханов. Как известно, он был моложе Федора Михайловича, но, тем не менее, именно он много рассказал писателю о культуре Ислама, о других восточных религиях, в частности, о буддизме. Память о дружбе двух великих людей, классиков русской и казахской литературы, по сей день чтят в Казахстане, где в Семипалатинске открыт литературно-мемориальный музей Достоевского.

Не нужно забывать, что у Достоевского был опыт живого общения и с другими мусульманами. Напомню детали его знаменитого каторжного романа «Записки из Мертвого дома». Там есть замечательные страницы, рассказывающие о том, как писатель общался с молодым дагестанским татаринном, мусульманином Алеем, какие долгие разговоры проходили между ними.

Есть один удивительный момент, который заставляет осознать, что Достоевский выступал тогда не только в роли учителя молодого мусульманина, своеобразного «миссионера» или «проповедника» православной веры. Он и сам многому научился от него. Вот смотрите Алей, слушая рассказы Достоевского о Иисусе ﷺ, воскликнул: «Иса – Божий человек! Иса хорошие слова говорил! Ведь то же самое и в нашей Книге, в Коране, написано». Может быть, именно тогда Федор Михайлович впервые почувствовал эту «перекличку» между христианством и Исламом, понял, что Коран и Библия, Коран и Евангелие – это родственные Книги. На мой взгляд, Достоевский еще тогда пришел к пониманию генетического родства, близости двух великих мировых религий.

«Дагестанских татар было трое, и все они были родные братья. Два из них уже были пожилые, но третий, Алей, был не более двадцати двух лет, а на вид еще моложе. Его место на нарах было рядом со мною. Его прекрасное, открытое, умное и в то же время добродушно-наивное лицо с первого взгляда привлекло к нему мое сердце, и я так рад был, что судьба послала мне его, а не другого кого-нибудь в соседи. Вся душа его выражалась на его красивом, можно даже сказать - прекрасном лице. Улыбка его была так доверчива, так по-детски простодушна; большие черные глаза были так мягки, так ласковы, что я всегда чувствовал особое удовольствие, даже облезчение в тоске и в грусти, глядя на него. Я говорю, не преувеличивая. '...»

Трудно представить себе, как этот мальчик во все время своей каторги мог сохранить в себе такую мягкость сердца, образовать в себе такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрузеть, не развратиться. Это, впрочем, была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узнал его впоследствии. Он был целомудрен, как чистая девочка, и чей-нибудь скверный, цинический, грязный или несправедливый, насильный поступок в остроге зажигал огонь негодования в его прекрасных глазах, которые делались оттого еще прекраснее. Но он избегал ссор и брани, хотя был вообще не из таких, которые бы дали себя обидеть безнаказанно, и умел за себя постоять. Но ссор он ни с кем не имел: его все любили и все

ласкали. Сначала со мной он был только вежлив. Мало-помалу я начал с ним разговаривать; в несколько месяцев он выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Он мне показался чрезвычайно умным мальчиком, чрезвычайно скромным и деликатным, и даже много уже рассуждавшим. Вообще скажу заранее: я считаю Алея далеко не обыкновенным существом и вспоминаю о встрече с ним как об одной из лучших встреч в моей жизни. Есть натуры до того прекрасные от природы, до того награжденные Богом, что даже одна мысль о том, что они могут когда-нибудь измениться к худшему, вам кажется невозможной. За них вы всегда спокойны».

Ф. М. Достоевский из «Записок из Мёртвого дома»

Да, люди часто воспринимают тюремные испытания лишь как тяжкое наказание. Но на жизненном пути Достоевского, по воле Всевышнего ☞, появились не книжные, живые мусульмане, как просвещенный ученый Валиханов, так и простые братья из Дагестана. Вряд ли, оставшись жить в Петербурге, он смог бы сблизиться с такими новыми для него людьми. Но Достоевский не только описывал встретившихся ему людей, но и пытался осмыслить образы далекого прошлого.

Несомненно, его волновала личность Пророка Мухаммада ☞. В романе «Преступление и наказание» звучат слова Раскольникова о Пророке Мухаммаде ☞: «О, как я понимаю Пророка с саблей на коне! Велик Аллах, и повинуйся, дрожащая тварь». Нетрудно

заметить, что в сознании Раскольникова возникает образ жестокого лидера – но может ли мусульманин согласиться с таким взглядом? Конечно, нет. Ведь для мусульман Магомет (как говорили в России в XIX в., хотя Достоевский знал, как по-настоящему звучит имя – Мухаммад) – такой же совершенный человек, как Иисус Христос ﷺ для христиан. Здесь литературный герой искажает образ Пророка ﷺ. Он совершает грубую религиозную ошибку. Автор ее исправляет.

– Каким же образом?

– Он не соглашается со своим героем, трагически ошибающимся в том, что Христос ﷺ и Мухаммад ﷺ – это противопоставленные друг другу идеалы. Такая оппозиция – только в сознании Раскольникова.

Единство этого пророческого ряда: Христос ﷺ, потом Мухаммад ﷺ –восстанавливается в конце романа.

В эпилоге «Преступления и наказания» есть упоминание об Аврааме ﷺ или, как говорят, используя арабский – Ибрахиме ﷺ. Раскольников сидит на берегу сибирской реки (это Иртыш, конечно), и вот он всматривается в далекую киргизскую степь. Перед ним – широкая панорама залитой солнцем золотой степи. Казахи сказали бы, что это «сары арка» – золотая, желтая степь. Он вглядывается, и какая-то тоска волнует его и мучает. Конечно, это тоска по идеалу. Ему казалось, что «не прошли еще века Авраама и стад его». Причудливым образом вот эта киргизская, казахская степь представилась ему как бы древней Палестиной, по которой когда-то и бродил Авраам

ﷺ, общий предок, родоначальник тех семитских народов, в том числе иудеев и арабов. И Авраам ﷺ – «общий человек». Это библейский общий человек, одинаково почитаемый как иудеями, так и христианами, так же и мусульманами. Это упоминание об Аврааме ﷺ эмблематично. Оно указывает на духовный исток, к которому возвращается Раскольников, стремясь утолить свою духовную нравственную жажду.

На самом деле, опыт переживания и осмысления Достоевским исламских ценностей уникален для его времени. Не стоит забывать, что тогда даже образованные люди, воспитанные русской культурой, как и другие европейцы, просто не имели прямой информации об Исламе – переводы Корана делались немусульманами и с «имперско-миссионерскими» целями, сунна и жизнеописание Пророка Мухаммада ﷺ переведены не были, равно как и классические труды по шариату и истории мусульман. По сути, только сейчас, на рубеже нового тысячелетия на наших глазах растет фундамент знаний об Исламе для читающих и мыслящих по-русски. А тогда большинство было уверено, что «спящий Восток» хранит лишь волшебные сказки да затейливые «арабески», а его религиозная жизнь полна предрассудков и рутины.

И удивительно, насколько Достоевский сумел опередить свое время в понимании преемственности пророков Единобожия и в личном сочувствии к Пророку Мухаммаду ﷺ!

Иван Бунин:
«Никто моей души
не знает, кроме Бога»

Творческое наследие классиков литературы можно уподобить многогранному кристаллу, а наше читательское восприятие – взгляду. И поскольку мы не можем смотреть одновременно на все грани кристалла, то выделяем лишь то, что в данный момент нам ближе и понятнее. Потом, правда, забываем (или не догадываемся), что существуют и другие грани.

Вот так и с Иванов Алексеевичем Буниным (1870-1953), который прочно вошел в память современников сначала как прекрасный стилист, поэт любви и живописец всего «самого русского», а также непревзойденный переводчик «Песни о Гайавате» Лонгфелло, первооткрывателя «индейской темы». За все это он был награжден российской Пушкинской премией в 1903 г. А в 1933 г. распорядители всемирно известной Нобелевской премии оценили его «за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер» в романе «Жизнь Арсеньева». В советское время он был «запрещенным писателем», но во время «оттепели» Бунина стали выборочно печатать. Почему? Не только, потому, что был он дворянин и эмигрант: боялись его антисоветской дневниковой книги «Окаянные дни»,

где представлена картина российского революционного хаоса. А когда началась перестройка, то именно эта книга стала сенсацией. И при этом до сих пор для большинства читателей остаются в тени или вовсе неизвестны иные грани его наследия: цикл образцовых переводов из европейской поэзии, литературное открытие Цейлона и... проникновение в поэтический строй Ислама.

Да, можно сказать, что он не был «первопроходцем» в загадочный для России исламский Восток. Да, Бунин последовал туда вслед за автором «Подражаний Корану» – за Пушкиным. Но все-таки он смог открыть много, нового, о чем его великий предшественник и не смел мечтать. Во-первых, спустя почти век после Пушкина было переведено немало восточной поэзии и книг по истории. Во-вторых, отношение общества, особенно интеллигенции, к мусульманам смягчилось – европейцы боролись за утверждение принципов свободы совести, а Российская империя была вынуждена принять 17 апреля 1905 года (впервые в своей истории!) «Закон о веротерпимости», в Петербурге была построена роскошная мечеть «а-ля Самарканд».

Но главное, у Бунина со временем накопился собственный опыт пребывания в исламском мире и живого общения с людьми, представлявшими разные национальные традиции исламской цивилизации. На карте его путешествий – Турция в 1903 г., Египет. Сирия, Палестина в 1906г., Алжир, Сахара и Тунис в 1910 г. А скольких мусульман он встретил во время путешествия по Индийскому океану к Цейлону, а затем в тяжкие дни бегства от большевиков через Стамбул!

О бунинском «погружении в Ислам» мы можем прочесть в воспоминаниях жены поэта Веры Муромцевой. Очевидно, ему открылись как светлые, так и теневые стороны. Какой же след они оставили в его стихах?

Исламский мир в поэзии Бунина запечатлелся неоднозначно. С одной стороны, он увидел нединамичную, сонную цивилизацию, полную грез о былой творческой мощи.

*Был победитель славен и богат,
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград,
И предался, как сытый лев, покою*

– пишет он о тюрках, которые превратили Константинополь в Стамбул.

*И прах веков упал на прах святынь,
На славный город, ныне полудикий,
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой.*

*И пуст Сераль, и смолк его фонтан,
И высохли столетние деревья...
Стамбул. Стамбул!
Последний мертвый стан
Последнего великого кочевья!*

Иначе говоря, огромная энергия, толкнувшая тюркские племена из Южной Сибири, с Алтая до Средиземного моря, сила, породившая Османскую империю, уже иссякла. Подобную усталость цивилизации он наблюдал практически у всех народов, исповадовавших Ислам. И мы знаем, что это была горькая правда – к концу XIX столетия почти все исламские народы подпали под колониальный гнет европейцев, а некогда великая Османская держава закоснела и подошла к краю гибели. Позднее, параллельно с большевистской революцией в России, свершилась и революция Ататюрка, разрушившего последнюю исламскую государственную систему. Предавшись, «как сытый лев, покою», мусульмане утратили наследие Халифата.

Стихотворение Бунина, «Потомкам Пророка» обращено не только к сейидам – «исторической семье прямых наследников» Пророка Мухаммада ﷺ, но и образно ко всем мусульманам того времени.

*Немало царств,
немало стран на свете.
Мы любим тростниковые ковры,
Мы ходим не в кофейни, а в мечети.
На солнечные тихие дворы.*

*Мы не купцы с базара. Мы не рады,
Когда вступает пыльный караван
В святой Дамаск,
в его сады, ограды:
Нам не нужны подачки англичан.*

*Мы терпим их. Но ни одежды белой,
Ни белых шлемов видеть не хотим.
Написано: чужому зла не делай.
Но и очей не подымай пред ним.
Скажи привет,
но помни: ты в зеленом.
Когда придут, гляди на кипарис.
Гляди в лазурь. Не будь хамелеоном,
Что на стене мелькает вверх и вниз.*

Как горько и гордо звучали эти слова тогда, и как они по-прежнему актуальны! «Нам не нужны подачки англичан...» – и в XXI веке мусульманские страны тяготятся гнетом западных «доброжелателей и просветителей».

Однако, если бы Бунин лишь зафиксировал давно известный образ «сонного, униженного Востока», он не был оригинален и, тем более, не издал бы первый и единственный (!) в истории русской поэзии сбор-

ник «Ислам». Он долго копил впечатления, публиковал отдельные стихи, но лишь после принятия «Закона о веротерпимости» осмелился выпустить сборник со столь вызывающим (для, того времени и русской литературной традиции) названием. Соратники-литераторы встретили его с изумлением, но в целом доброжелательно. Так, Блок писал, что «истинное проникновение в знойную тайну Востока – в стихотворении «Зеленый стяг»:

*...Ты покоишься в мире,
о слава Востока!
Но сердца покорил
Ты навек. Не тебя ль
над главою Пророка
Воздвигал Гавриил?
И не ты ли царишь
над Востоком доныне?
Развернися, восстань –
и восстанет Ислам.*

*Как самум в пустыне.
На священную брань.
Проклят тот, кто велений
Корана не слышит.*

*Проклят тот, кто угас
Для молитвы и битв –
кто для жизни не дышит,
Как бесплодный Геджас.*

Ангел смерти сойдет

*в гробовые пещеры, –
Ангел смерти сквозь тьму
Вопрошает у мертвых
их символы веры:
Что мы скажем ему?*

Итак, в центре внимания Бунина – не тот ложный «покой» и не восточная экзотика, которые он наблюдал сам. Ему искренне нравилось мысленно погружаться в таинственный мир знаков и смыслов Священной Книги. Лучшие его «Восточные стихи» – продолжение пушкинской попытки «Подражания Корану». Важно, кстати, что он не посмел назвать эти стихи, как Пушкин, очевидно, понимая внелитературный источник происхождения Книги. Ведь подражать может поэт поэту, художник художнику. Но у Корана – Великий и Таинственный Автор, Творец миров ﷻ. Пророк Мухаммад ﷺ – вовсе не «автор», как казалось (и кажется сейчас) многим европейцам. Он – слушатель и передатчик слов, сошедших к нему свыше.

Одно из лучших стихотворений о Коране названо поэтом «Тайна». Центральный его образ – до сих пор не разгаданные и вызывающие споры буквы арабского-алфавита, которыми открываются 28 сур Священного Корана: то ли это буквы-шифры, то ли некие сочетания, смысл которых либо утерян; либо сознательно скрыт. Именно эти слова стоят в эпиграфе:
Элиф, Лам, Мим. Коран, 29:1; 30:1, 31:1, 32:1

*Он на клинок дохнул – и жало
Его сирийского кинжала
Померкло в дымке голубой:
Под дымкой ярче заблестали
Узоры золота и стали
Своей червонною резьбой.
«Во имя Бога и Пророка, Прочти,
слуга небес и рока,
Свой бранный клич: скажи, каким
Девизом твой клинок украшен!»
И он сказал: «Девиз мой страшен.
Он тайна тайн: Элиф, Лам, Мим».
«Элиф, Лам, Мим? Но эти знаки
Темны, как путь в загробном мраке:
Сокрыл их тайну Магомет...»
«Молчи, молчи! – сказал он строго, –
Нет в мире бога, кроме Бога,
Сильнее тайны – силы нет».
Сказал, коснулся ятаганом
Чела под шелковым тюрбаном.
Окинул жаркий Атмейдан
Ленивым взглядом хищной птицы –
И тихо синие ресницы
Опять склонил на ятаган.*

Очень важно, что в таких «коранических» стихах Бунин сознательно вместо слова «Аллах» использовал «Бог», «Господь». Таким образом, снимался внешний, национально-арабский колорит, а на первое место выходил смысл. Ведь даже сейчас для большинства говорящих по-русски слово «Аллах» – нечто чуждое, заграничное, иноверное, а «Бог» – родное, привычное. Снять с Ислама арабское покрывало значит выявить его наднациональную сущность.

Вот, к примеру, песня «Нищий»: эпиграф из Корана, но образный строй вполне русский, включая «ивовый плетень» и идиому «Божий день»:

Возноси хвалы при уходе звезд. Смысл, Коран,
52:49

*Все сады в росе, но теплы гнезда –
Сладок птичий лепет, полусон.
Возноси хвалы – уходят звезды,
За горами заалел Гермон.
А потом, счастливый, босоногий,
С чашкой сядь под ивовый плетень:
Мир идущим пыльной дорогой!
Славьте, братья, новый Божий день!*

Исламские реалии здесь как бы спрятаны: и предутренняя молитва, и приветствие «Ас-саляму алейкум!». Единственное, что говорит о «привязке к местности» – название «Гермон», русифицированное Джебель-аль-Шейх (горный массив Большой Гермон, за которым в Сирии начинается рассвет и с вершин которого, как говорят, можно даже видеть Мекку).

Скрытым является и еще один очень важный образ – мусульманское понимание природы Иисуса ﷺ в сонете «Источник звёзды». Автор здесь не только использует кораническое имя Иисуса ﷺ, звучащее по-арабски как Иса, но называет его «святым, возлюбленным Бога», по-арабски «вали», а вовсе не «богочеловеком», как привыкли христиане вслед за некоторыми богословами ранней Церкви.

Очень личностно переживает Бунин и арабское предание о том, как облачко, следующее за караваном и спасающее его тенью, защищало юного Мухаммада ﷺ во время летнего перехода в Сирию: оно уподоблялось тени от крыльев ангелов. Так и стихотворение названо – «Белые крылья».

*В пустыне красной над Пророком
Летел архангел Гавриил
И жгучий зной в пути далеком
Смягчал сияньем белых крыл.
И я в пути, и я в пустыне,
И я, не смея отдохнуть,
Как Магомет к святой Медине,
Держу к заветной цели путь.
Но зной не жжет – твоим приветом
Я и до ныне осенен:
Мир серебристым, нежным светом
Передо мною напоен.*

Здесь лирический герой отождествляет себя с Пророком ﷺ – «и я в пути, и я пустыне... держу к заветной цели путь». Это сказано и о поэте, и о Мухаммаде ﷺ, и... о каждом из нас, кто читает и сопереживает.

Целе-устремленность Пророка ﷺ становится стержнем и нашей жизни, точнее говоря, должна стать таковым. Но почему указан путь на Медину, а не на Мекку? Здесь явно говорится о Хиджре – переселении из враждебной Исламу торговой столицы в город единомышленников, где будет создано братство единоверцев – умма. Это путь, полный испытаний, но благословенный.

О том же стихотворение «Магомет в изгнании» – о преодолении неизбежной слабости на пути к цели:

*Духи над пустыней пролетали
В сумерки, над каменистым логом.
Скорбные слова его звучали,
Как источник, позабытый Богом,*

*На песке, босой с раскрытой грудью.
Он сидел и говорил тоскуя:
«Предан я пустыне и безлюдью,
Отрешен от всех, кого люблю я!
И сказали Духи: «Недостойно
Быть Пророку слабым и усталым».
И Пророк печально и спокойно
Отвечал: «Я жаловался скалам».*

Проникновенны стихотворения Бунина – вариации на темы конкретных сур Корана.

Мы дали тебе Ковсерь. Смысл, Коран, 108:1

*...В шелках песков
лишь сизые полыни
Растит Аллах для кочевых отар,
И небеса здесь несказанно сини,
И солнце в них –
как адский огонь, Сакар.
И в знойный час,
когда мираж зеркальный
Сольет весь мир в один великий сон,
В безбрежный блеск,
за грань земли печальной
В сады Джиннат уносит душу Он.
А там течет, там льётся за туманом
Река всех рек, лазурная Ковсерь.
И всей земле,
Всем племенам и странам
Сулит покой. Терпи, молись и верь.*

«Ковсерь», или «Аль-Каусар», означает по-арабски «Обильный» – это райский источник, река. «Джиннат», или «аль-Джанна», – Сад, сады Рая. «Сакар» – одно из названий пламени в Аду.

Еще одна знаменитая сура посвящена Ночи Предопределения и Могущества.

«В эту ночь ангелы сходят с неба». Смысл, Коран, 97:4

Ночь аль-Кадра.

*Сошлись, слились вершины,
И выше к небесам
воздвиглись их чалмы.
Пел муэzzин. Еще алеют льдины,
Но из теснин, с долин
уж дышит холод тьмы.
Ночь аль-Кадра.
По темным горным склонам,
Еще спускаются, слоятся облака.
Пел муэzzин..
Перед Великим Троном
Уже течет, дымясь, Алмазная Река.
И Гавриил – неслышно и незримо –
Обходит спящий мир.
Господь, благослови
Незримый путь святого пилигрима
И дай земле Твоей
ночь мира, и любви!*

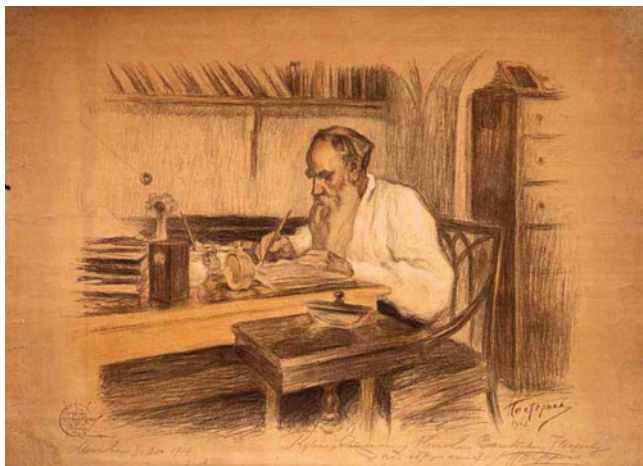
И вновь мы видим лирического героя – «святого пилигрима»: это открытый образ, в котором и автор, и каждый из читающих. Еще на одну деталь стоит обратить внимание: Бунин верно передает арабское звучание в слове «муэzzин», в то время как большинство и тогда, и по сей день пишет почему-то жесткое «муэдзин».

Наконец, Бунин создал подлинный гимн Корану, его таинственности и красоте, его предназначенности для избранных. Стихотворение «Завеса» вдохновлено началом суры «Аль-Бакара» (смысл): «Воистину, тем, что не уверовали, все равно, предостерег ты их или не предостерег, – уверовать не дано им. Запечатал Аллах сердца их и уши, и на очах их завеса. Уготованы им великие мучения!» (2:6-7).

Так говорит Господь:
«Когда. Мой раб любимый,
Читаешь ты Коран
среди врагов Моих,
Я разделяю вас
завесою незримой:
Зане смещон врагам
Мой сладкозвучный стих.
И сокровенных чувств,
и тайных мыслей много
От вас Я утаил».
Никто моих путей,
Никто моей души
не знает, кроме Бога:
Он Сам нас разделил
завесою Своей.

Лев Толстой и Ислам

В наши дни существуют две крайности: на многих исламских сайтах цитируется фраза великого русского писателя Льва Толстого: «Прошу считать меня магометанином», и он причисляется к правоверным. А на сайтах литературных и музейных об этом не упоминается вообще, будто Толстой Ислама не замечал и вовсе! Молчат об этом и школьно-институтские учебники. Внимание акцентируется лишь на его попытках постичь личность и учение Иисуса ﷺ переложить Евангелие для современников. Всем известно, что в 1901 г. он был отлучён от православной церкви. Также никто не скрывает, что возникшее ещё при его жизни всероссийское движение «толстовства», почти разгромленное в годы советского атеизма, ныне возрождается и относится религиоведами к одной из форм протестантизма. Так можно ли отнести Толстого к мусульманам или нет? Каков был окончательный духовный выбор гения русской и всемирной литературы? Давайте разберёмся.

Во-первых, уточним, пересекалась ли как-то жизнь Толстого с мусульманами и что он знал об Исламе? Оказывается, личных контактов с мусульманами и

знаний о мусульманской религии у него было, пожалуй, больше, чем у любого иного классика русской литературы. Когда ему было 13 лет, семья переехала в Казань, где ранее его дед Илья Андреевич был губернатором с 1815 по 1820гг. и где, кстати, и поныне сохранилась его могила на Кизическом некрополе. В 1844г. Толстой поступил в Казанский университет на отделение восточных языков философского факультета (затем, правда, перевелся на юридический, где проучился неполных два года). Пусть недолго, но он изучал арабский и тюркские языки под руководством крупного ученого Мирзы Казимбека (1802-1870 гг.), одного из основателей российского востоковедения, В 1851 г. старший брат Николай уговорил его поехать на Кавказ, где почти три года Толстой жил в казачьей станице на берегу Терека, выезжая в Кизляр, Тифлис, Владикавказ и участвуя в военных действиях (сначала добровольно, а потом на службе). Не только величественная природа, знания о быте и нравах воюющих сторон, но и постижение характеров, сформированных Исламом, воплотились в автобиографической повести «Казаки», рассказах «Набег», «Рубка леса», а также в поздней повести «Хаджи-Мурат». Вернувшись в Россию, Толстой записал в дневнике, что полюбил этот «край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи – война и свобода».

До конца дней он пронес память о друзьях-кунаках из кавказцев: так, однажды, молодой граф проигрался в карты, и ему грозила долговая яма, но его спас чеченец Садо Мисербиев, полностью отыгравший его проигрыш. Через всю жизнь пронес он и впечатления

об учении суфийского шейха Кунта-хаджи Кишиева, призывавшего к примирению и ненасилию.

Его знаменитые «Севастопольские рассказы» написаны в Крымскую войну, где в осажденном Севастополе Толстой командовал артиллерийской батареей, проявив редкую личную храбрость, за что был награжден орденом Анны и медалями. В Крыму он познал не только героизм и трагизм войны, но и нравы крымских татар, коренного исламского населения края. Более того, часть важнейших замыслов, появившихся в те годы, позволяют угадывать в молодом офицере позднего Толстого-проповедника: он мечтал об «основании новой религии» – очищенной и практической религии Иисуса ﷺ.

Позднее он вел переписку с муфтием Египта Мухаммадом Абдо, известным реформатором Ислама, переписывался и лично общался со многими татарами, как сторонниками традиционного мусульманства, так и обновителями. Одним словом, Толстой, не имея исламского образования и не будучи ученым, обладал знаниями и опытом сопереживания, уникальными для человека высшего света тогдашней европоцентричной России.

Как известно, честные духовные поиски привели его к переосмыслению значения церкви: «Мир делал все что хотел, предоставляя церкви, как она умеет, поспевать за ним в своих объяснениях смысла жизни. Мир учреждал свою, во всем противную учению Христа жизнь, а церковь придумывала иносказания, по которым бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним. И кончилось тем, что мир стал жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, и церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что в этом-то состоит учение Христа» – писал Толстой в Ясной Поляне в марте 1909г. В итоге из под его пера вышло немало обличительных статей о церкви, изменившей Иисусу ﷺ (они до сих пор являются классикой русского протестантизма). И, естественно, за этим последовало его официальное «отлучение от церкви» – по-гречески «анафема», которая была провозглашена в храмах России. Это было потрясением для всей страны. С замиранием духа – кто с отвращением, кто с надеждой – россияне следили за тем, что же позитивного обретет этот великий писатель-мыслитель? А он трудился над новым переводом, точнее говоря, над собствен-

ным переложением Евангелий, издал книгу «В чем моя вера?», множество статей о вере и трезвом образе жизни, вел активную переписку со многими богоискателями, причем не только в России, но и за рубежом. В дни мучительных поисков, окруженный непониманием, он писал в одном из писем: «Я бы очень рад был, если бы вы были бы одной веры со мной. Вы вникните немножко в мою жизнь. Всякие успехи жизни – богатства, почестей, славы – всего этого у меня нет. Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни – либералы и эстеты – считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие – революционеры и радикалы – считают меня мистиком, болтуном: правительственные люди считают меня зловредным революционером; православные считают меня дьяволом. Признаюсь, что это тяжело мне... И потому, пожалуйста, смотрите на меня, как на доброго магометанина, тогда все будет прекрасно». Вот из этих слов, казалось бы, можно сделать вывод – но не все так однозначно... Во-первых, писатель не принял Ислам открыто и ясно, не имел мусульманской практики. Нельзя забывать, что одновременно с поиском правды об Иисусе عليه السلام, признанием себя «добрым магометанином», он в не меньшей степени был восхищен Буддой и Конфуцием. И вел интенсивную переписку с ревнителями разных духовных традиций, к примеру, с Махатмой Ганди, включал их тексты в знаменитый рекомендательный список чтения на каждый день. Наконец, бросив дом в последние дни жизни, он отправился сначала к сестре Марии, инокине Шамординского монастыря, а затем к старцам Оптиной пустыни. Православные историки пытаются

на основании этого порыва, этих бесед, а также того, что для примирения с церковью из Оптиной вслед за ним был отправлен старец Варсонофий, сделать вывод, что Толстой готов был раскаяться и вернуться в лоно церкви. Одни говорят, что его нужно простить и вернуть ортодоксальному христианству, другие строго указывают, что для того нет оснований, и Толстой ушел из жизни, оставшись непримиримым. На сайте московского музея Толстого можно прочитать, что ныне учение Толстого вовсе не отталкивает, а, наоборот, помогает прийти к церкви – это уж полный абсурд и, увы, яркая примета нашего времени, жаждущего примирить «красное и белое».

Вот как это было. 6 (19) ноября 1910 г. Толстой произнес последние слова, обращенные к близким, собравшимся у его постели: «...Пропасть народу, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва... Мужики так не умирают...» И уже в полузабытии: «Люблю истину...» Потрясающая сцена и удивительные слова! Не стоит уподобляться тем, кто неблагоговейно относится к тайне веры, к тайне личности и перехода в мир иной великого мыслителя и писателя. Скажем прямо, Аллаху ﷻ алим – это ведомо лишь Всевышнему ﷻ! И не будем искать определенного ответа на вопрос, с каким вероубеждением пересек Лев Николаевич последнюю черту.

Единственно, что можно сказать с определенностью; он многое понимал и ценил в Исламе, знал правоверных разных национальностей, дружил и переписывался с ними. И оставил нам как высоко художественные образы мусульман, особенно кавказцев, так и не всегда бесспорные, но глубокие и волнующие мысли об Исла-

ме. Вдохновленное им массовое религиозное движение «толстовцев» не двигалось в сторону Ислама. Будучи во многих чертах быта и веры близкими мусульманам, толстовцы развивались и остаются в русле христианства.

И всё же есть у Толстого такие «исламские страницы», острота и ценность которых не утрачены и по сей день. Русская женщина, вышедшая замуж за мусульманина, Елена Ефимовна Векилова, писала Толстому, что ее сыновья желают принять Ислам, и спрашивала совета, как быть. Он отвечал: «Что касается до самого предпочтения магометанства православию..., я могу только всей душой сочувствовать такому переходу. Как ни странно это сказать, для меня, ставящего выше христианские идеалы и христианское учение в его истинном смысле, для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что, если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе, и всякий предпочтет магометанство с признанием одного догмата. Единого Бога и Его Пророка, вместо того сложного и непонятного в богословии – Троицы, искупления, таинств, святых и их изображений и сложных богослужений... Ясная Поляна, 15 марта 1909г.». Написано прямо, будто для нашего времени, не правда ли?

Я вовсе не один -
со мной Аллах
В безмерном
Одиночестве вселенной ...

Расул Гамзатов - человек-легенда
Последнее интервью поэта

– Расул Гамзатович, с какими чувствами вы встречаете свой восьмидесятилетний юбилей?

– Юбилей я вообще не встречаю, юбилей приходит ко мне. Юбилей – это преувеличение заслуг. Мне это противопоказано. Я чувствую себя теленком. Велика радость рождения теленка, но из-за нее не надо быка резать. А так, по-человечески, мне приятно, что меня издают, с читателями встречаюсь, меня награждают, дают ордена, хотя может быть, вызывает чувство несправедливости этого дела. Неужели только в юбилейные дни человек бывает правдивый и храбрый? В остальное время он не человек, что ли? Юбилей – это праздник нечитающей публики.

Если бы они хорошо меня знали, они бы так не хвалили меня, но я знаю себя лучше.

– Вы прожили долгую и славную жизнь, считаете ли вы себя счастливым человеком? Жалеете ли о чем-нибудь в своей жизни?

– Счастливый человек, на мой взгляд, – это тот, кто умеет избегать несчастья. Я отношусь к такой категории людей. Меня считают везучим человеком. Про меня говорят, что при всех правителях я себя хорошо чувствовал – и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе, и сейчас хорошо. И в Дагестане при Даниялове, при Умаханове и при нынешних руководителях. Везучих писателей не бывает. Я принимаю боль и страдания дагестанского народа в себя. У меня нет большой биографии, даже раны военного времени нет. Но все же я прожил три возраста, но четвертого возраста нет. Четвертый возраст на том свете. Я прожил четыре времен года восемьдесят раз. Я счастлив.

Мое детство благодаря родителям, аулу, аранинской школе и аварскому педучилищу прошло более-менее благополучно. Я был доверчивым, доверял многим догмам того времени. Я ошибался и ушибался. Мне дали молодость. Но ровесники мои погибли, не дожив даже до молодости. Мне жалко детей, погибших при пожаре махачкалинской школы. Может быть, среди них были Сулейман Стальский, Шамиль. Еще 27 миллионов людей погибли на поле боя, может быть, и среди них были Пушкины, Лермонтовы. А меня даже рана военная не трогала. Москва, Литинститут, мои учителя, мои врачи, – это все у меня было.

Я прошел молодость, многим из моего поколения не удалось дожить до старости. Я же иду по последне-

му кругу старости. Счастливых людей нет, а если есть, то я один из них.

О чем жалею? Жалею о том, что я написал то, что можно было не писать. Не написал то, что нужно было написать. Жалею за речи на трибунах, которые можно было не произносить. У меня украдено время.

– Легко ли быть знаменитым поэтом Расулом Гамзатовым?

– «Быть знаменитым некрасиво», Пастернак сказал. «Мы свои люди – сочтемся славой», Маяковский сказал. «Большое видится на расстоянии», Есенин говорил.

Я жив, по мне судить еще не надо. Но я доволен жизнью. Хоть восемьдесят лет прожил, я прошу еще год жизни. Потому что много черновиков у меня незаконченных, да и вся жизнь моя – как черновик. Жизнь моя – это репетиция к большому спектаклю, к которому я готовлюсь. Прожить восемьдесят лет – это большое счастье. Но поэт не бывает счастливым, когда вокруг много несчастий. Не может быть здоровым человек, когда общество болеет, когда время творит насилие.

Быть притчей на устах и ничего не означать в жизни – таких много.

Одни считают, что быть популярным – это слава. На самом деле популярность и слава – это два разных понятия. Популярность – это временные, эстрадные успехи. А слава – это победа. Непопулярность – это неудача, а неудача – это поражение.

– Как вы оцениваете состояние современной литературы?

– Я сказал президенту Путину, что очень рад тому, что он положил цветы на могилу Бунина. Бунин к нам вернулся – это хорошо, но зачем же Горького ругать, обоим хватит места в литературе. Хорошо, что Булгаков и Набоков вернулись, но зачем говорить про Шолохова, что он плагиат. Так с литературой обращаться нельзя. Раньше литература была слишком присоединена к государству, у нас была государственная, придворная литература, так нельзя было делать. Литература – это всеобщая песня. Теперь эту песню отделили от государства. Тоже неправильно делают. Тем не менее, литература развивается, и мы ждем новых поэтов.

– О чем бы вы хотели поговорить с вашим отцом Гамзатов Цадасой?

– Я чувствую себя должником отца. Я хотел бы немного оправдать доверие. В поэме «Разговор с отцом» я написал все, о чем хотел поговорить с отцом. При его жизни много говорили про меня, что отец

пишет мне стихи, я хотел бы сказать, что отец до сих пор пишет за меня стихи. Без отца не было бы меня-поэта. У меня много наград, званий и орденов, но самое большое звание – сын поэта Гамзата Цадасы. Это для меня самое дорогое.

– Что для вас значит Ислам?

– Ислам для меня – предупреждение ошибок и утверждение хорошего, процветание и порядок.

Журналу «Ислам» я желаю быть правдивым, просветительским. Чтобы вы объясняли читателям истинную суть Ислама.

Расул Гамзатович, от всех читателей журнала «Ислам» мы желаем вам здоровья и благополучия, чтобы вы и в дальнейшем радовали людей своими замечательными произведениями. Пусть Всевышний * даст вам много лет жизни.

Посредственность

*Я не люблю посредственность судьбы,
Хотя так много серости на свете
Спешит склонить услужливые лбы
В ту сторону, откуда дует ветер.*

*Бывает спор меж небом и землей –
И гром, и град, и молний пантомима ...
И меж: друзьями может грянуть бой,
Лишь серость, как всегда, невозмутима.*

*Посредственных чиновников толпа,
Как век назад, толкается у трона.
И катится, как под гору арба,
Поклон подобострастный за поклоном.*

*Посредственных поэтов череда
Спешит гуськом на творческую спевку,
И Муза, умирая от стыда,
Выходит на панель продажной девкой.*

Заполонила серость все кругом,
И от нее не скрыться, как ни странно.
Захлопнешь дверь, забудешь звездами дом –
Гарантируется она с телеэкрана.

Жужжит реклама, как веретено,
Назойлива, хотя всегда убога.
Она успешно выжила давно
С экранов наших Пушкина и Блока.

Посредственность без меры, без конца
Заполнила высокие трибуны.
И микрофоны, заглушив сердца,
Гремят сегодня громче горских бубнов.

Еще я так похож на старика,
Которого в Сибирь сослать забыли,
Когда народ его в товарняках
Как будто в братской погребли могиле.

Как тот изгой у жизни на краю,
Устав и от забвенья, и от славы,
Я в полном одиночестве стою,
Не глядя ни налево, ни направо.

В судьбе, где победить должно добро,
Записана последняя страница.
Ниспосланное свыше мне перо
Когда-нибудь должно остановиться.

*Один я, как мюрид на Ахульго,
Что замерла в объятьях звездной ночи.
Вокруг враги, и больше никого ...
Лишь горная Койсу внизу грохочет.*

*Но сразу отступает смутный страх
Пред жизнью ускользающей и тленной.
Я вовсе не один - со мной Аллах
В безмерном одиночестве Вселенной.*

Перевод с аварского М. Ахмедовой

Прощание с аулом Чиркей

(посвящается старому аулу Чиркей, который был затоплен, чтобы успешно закончить строительство ГЭС в Дагестане в 60-х годах. Жители переселились в более равнинные места.)

*Прощай, мой Чиркей ненаглядный,
Сородич седой высоты!
Увитый лозой виноградной,
Собою пожертвовал ты.*

*Стою на высокой плотине.
И передо мной в глубине
Лежишь, знаменитый понине,
Ты, как Атлантида, на дне.*

Запомнивший страсти мирские,
Расстался ты с древней молвой.
И волны сомкнулись морские
Над буйной твоей головой.

Уже мне под синью небес ты
С кувшином на правом плече
Не выйдешь навстречу невесты,
Подобно горящей свече.

И впредь на гранитном майдане
В ближайшем соседстве веков
Твоих не увижу как ране
Беседующих стариков.

Мне дым твой очажный был сладок.
И многое значить могло,
Что борозды каменных складок
Твое отличали чело.

Гулял я на свадьбах немало,
Мужей твоих славя и жен.
И жаль, не смогу, как бывало,
К умершим прийти на поклон.

Прощай, погребенный Сулаком,
Чиркей мой, чья совесть чиста.
Окрест молодая над мраком
Заря вознеслась неспроста.

*Воды одержимо движенье,
Летит, как табун кобылиц.
Скользит над тобой отраженье
Несчетных царственных птиц.*

*И венчан ты клетотом воли,
Что верен в горах небесам.
И я твоей жертвенной доле
Все чаще завидую сам.*

Перевод с аварского Я. Козловского

Смерть тополя

*Тополь был незыблем, как скала,
Был он гордостью родного края,
А теперь, как руки, вдоль ствола
Опустились ветки, увядая.*

*Было добрым дерево всегда,
Всем дарило тень свою, как милость.
Объясни же мне, что за беда
И с тобой столетним приключилась?*

*Распушив зеленый свой покров,
Ты стояло и шумело, словно
Ствол твой не сгибало сто ветров,
Сто метелей, сто громов и молний.*

*Ты не сникло под огнем врага,
Ты перед рекою устояло,
Хоть она, смывая берега,
С корнем вырвать ствол твой угрожала.*

*Даже в час, когда земля тряслась,
Не ломалось ты, хоть и скрипело,
Чья же воля, чья же злая власть
Крепкое твое согнуло тело?*

*И, собрав остаток прежних сил,
Мне ответил тополь: «Я страдаю
Оттого, что грудь мне источил
Червь, которого я сам взрастил, -
Я, подобно людям, умираю!»
Перевод с аварского н. Гребнева*

Съезд матерей

*... И мнилось мне: со всех подлунных мест
Сошлись однажды, буднично одеты,
На съезд всемирный, материнский съезд
Встревоженные женщины планеты.*

*В клубящихся летучих облаках
Метался свет до края небосклона.
И женщина с младенцем на руках
К трибуне шла, как будто бы мадонна.*

И видела, как, груди обнажив,
Детей кормили женщины другие
Или качали под один мотив
Вновь колыбели сердцу дорогие.

А третьи - в черном с головы до пят -
Платили дань пожизненной печали:
Они погибших на войне солдат
Всех матерей скорбящих представляли.

В суровом откровении земном
Здесь речь вели, подвластные годинам,
Надежды их на языке одном,
А помыслы - на языке едином.

Не надо переводчика глазам,
Где сыновей отражены дороги,
Не надо переводчика слезам,
Не надо переводчика тревоге.

И первозданно слову вторил жест,
И вспоминались древние заветы.
На съезде всемирный, материнский съезд
Сошлись однажды женщины планеты.

Не я ли сам созвал их, как поэт,
Уверовав, что войны обратимы,
Хоть день и ночь уже десятки лет
Стучится в грудь мне пепел Хиросимы?

И слышалось:

*- Мужчинам помнить след,
Когда они грядущего достойны,
Что искони наследников на свет
Мы, женщины, рожаем, а не войны.*

*И чтобы новой не было войны,
Давно, чей призрак миром бродит грозно,
Внять слову материнскому должны
Правительства всех стран, пока не поздно!*

Перевод с аварского Я. Козловского

Грехи и кара

*Скажи, почтеннейший из старцев,
Припомнив были давних дней,
Как за грехи в роду аварцев
Отцы карали сыновей?*

*«В мой век не делали поблажек.
Чтоб не дурил наследник впредь,
Когда проступок был нетяжек,
Отец вздымал над сыном плеть.*

*За больший грех, не скрыв укора,
Отец не плеть, а посох брал,
А чтобы смыть пятно позора,
Вздымал в отчаянье кинжал».*

*А ты что скажешь мне на это,
Старик, достигший средних веж?
«Удар по шее в наши лета
Был карою за малый грех.
Нарушил долг – карали плетью,
Грехи да помни, молодец!
А за позор, клянусь мечетью,
Был сына посохом отец».*

*А ты что скажешь мне, бывалый
Ровесник века?
«Что ж сказать?
В горах теперь проступок малый
Стараятся не замечать.*

*Провинность большую – прощают:
Мол, все бывает. Не беда.
И в добродетель обращают
Грех превеликий иногда».*

Мечеть Шаха Аббаса в Исфагане

*К себе приковывая взор,
Земли и неба сблизив грани,
Стоит, векам наперекор,
Мечеть, красуясь, в Исфагане.
Мечети было суждено,*

*Чтоб сумрак тайн ее окутал.
Шепнешь в ней слово, и оно
Плывет, озвученно, под купол.*

*И повествует мне рассказ,
Не сгинув в древностном тумане:
«Решил однажды шах-Абас
Мечеть построить в Исфазане.*

*И разослал глашатаых он
В пределы дальних мест и отчих.
И во дворец со всех сторон
Сошлись лучшие из зодчих.*

*И со ступени голубой,
Вблизи журчащего арыка,
Сложив ладони пред собой,
К ним слово обратил владыка:*

*- Должны построить вы мечеть,
Покуда царствовать я буду,
Но чтоб она могла и впредь
Стоять в веках, подобно чуду.*

*Они ответили ему:
- Не торопись на нас зневиться,
Ты стар уже, и потому
Не сможем в срок мы уложиться.*

И лишь один сказал:
- Мой шах, клянусь:
по собственной охоте,
Обдумав трезво этот шаг,
Готов я приступить к работе...
Отменно двинулись дела,
Сам шах держал все на примете.
И в срок заложена была
Основа будущей мечети.

И вдруг над шахом, словно плеть,
Взметнулась весть,
грозой чревата:
Мол, зодчий, строивший мечеть,
Бежал из города куда-то.

- Догнать! - взъярился шах-Абас, -
Живым иль мертвым, но доставить,
А не исполните приказ,
Всех вас велю я обезглавить...

Исчез беглец.
Лет пять с тех пор
Прошло. Но вот доносят шаху,
Что из бегов к нему во двор
Явился зодчий, как на плаху.

И прежде чем его казнить,
Спросил у зодчего владыка:
- Сумев основье заложить,
Почто бежал от нас, скажи-ка?

- Ты был похож на седока,
Что шпорит скакуна до крови,
А чтобы строить на века,
Окрепнуть следует основе.
Случалось, рушились во прах
Столпы держав.
Что хмуришь брови?
И вера может рухнуть, шах,
Когда нет твердости в основе.

Не испугавшись топора,
Я потому явился снова,
Что стены класть пришла пора,
Достигла крепости основа.

Взглянув на звездный календарь,
Сумей себя переупрямить.
Приступим к делу, государь,
Чтоб о тебе осталась память.

И зодчий шахом был прощен,
Но стал печальней шах, чем ранее...
Стоит над бурями времен
Мечеть, красуясь, в Исфазане.

Михий дворик в самом центре Москвы. Я захожу в прохладную парадную и поднимаюсь по чистой широкой лестнице. Женщина в простом платье и с покрытой платком головой открывает мне дверь. В уютной гостиной с камином – ковер, коллекция оригинальных кувшинов, семейные фотографии. На них – известный поэт Расул Гамзатов.

В его семье – три дочери. Зарема и Патимат живут в Москве. Младшая, Салихат, – в Махачкале, работает директором Дагестанского музея изобразительных искусств. У поэта четыре внуки: Шахри сегодня является главным редактором одного из крупных журналов, Мадина – юрист, Таус – фотохудожник, а младшая – Аминат пока студентка, учится на психолога.

Каким же был дагестанец и мусульманин Расул Гамзатов? Как он жил и верил в советском Дагестане? Об Исламе и любви, о своем отце и поэзии, о семейном укладе и личном опыте веры рассказывает дочь поэта Патимат Гамзатова.

Патимат Расуловна Гамзатова родилась в Махачкале. В 1981 году закончила исторический факультет Московского Государственного Университета им. М.Ломоносова – отделение истории и теории искусства. Специальность искусствовед. В 1989 году защитила кандидатскую диссертацию. В данный момент работает в Государственном институте искусствознания. Член ученого совета Государственного музея искусств народов Востока. Научная специализация: этническое, мусульманское и современное ювелирное искусство, мусульманское ковроткачество, народ-

ное и современное искусство Дагестана, советское и русское непрофессиональное прикладное искусство. Была участником и организатором конференций и круглых столов, научным редактором искусствоведческих сборников, куратором и организатором выставок, работала советником по культуре постоянного представительства Республики Дагестан при Президенте Российской Федерации. Имеет более 60 научных публикаций, в том числе 2 монографии.

– У нас была хорошая семья, – вспоминает Патимат. – Если говорить о семейном укладе, то, скорее, его и не было. Был теплый, уютный дом, а у папы всегда много гостей. Это общая черта дагестанцев, но в нашей семье она как-то особенно проявлялась. Вспоминая о нашем дедушке, Гамзате Цадасе, мой дядя рассказывал, что обнаружил такую его запись: «Сегодня у меня было 24 человека, и только троих я знаю по имени». Видимо, это и есть наш семейный уклад, который был передан отцу и в какой-то мере нам. Папа был депутатом. Народные поэты, артисты в то время жили своеобразно: к ним приходили люди, которых они не знали, – с просьбами, проблемами. Поэтому мама и папа, если иметь в виду рутинные каждодневные дела, занимались нами не так уж много. По крайней мере, не помню нудных лекций или особых воспитательных мер. Независимо от потраченного времени, то, что дают тебе родители, очень важно. Бывает, мать много с детьми занимается, а отец меньше, но значение отцовского слова очень весомо и остается на всю жизнь.

– *Расскажите подробнее о своем отце, о его человеческих качествах?*

– Он был полон любви, любви к миру и людям. И был удивительно динамичным человеком. Поразительный какой-то жизненный темперамент, которым только Всевышний ☪ может одарить человека. Все вокруг это замечали, все чувствовали. Это однозначное «да» и благодарность Всевышнему ☪ за то, что Он дал тебе жизнь.

Если папе кто-то делал гадости, он, конечно, чувствовал боль, но внутренняя реакция и духовная установка противостояли вражде. Мне казалось, что об него словно разбивалось все отрицательное.

Однажды мы увидели, как он доброжелательно отнесся к человеку, который старался ему всячески навредить. Мы спрашиваем: «Ну, что же ты, ведь мама на них так обиделась!» А он отвечает: «Я хотел писать и не хотел ругаться. Для того чтобы человек писал что-то очень хорошее, он должен быть совершенно неуязвим пред лицом подлости». От моих родителей я не слышала обсуждения или осуждения плохих людей. Не потому, что они не сталкивались с кознями и недоброжелательностью или не ведали об этом. Просто они всегда занимались чем-то положительным: строили, осуществляли, радовались. Есть люди, которые так чувствуют трагедию жизни, что им иногда не хочется жить. Папа видел эту трагичность, переживал и страдал, но и остро чувствовал положительную жизненную доминанту, у него была какая-то энергия сердца.

Особое чувство юмора свидетельствует о его характере: его шутки не кололи, не злили, а словно снимали с человека трудности. Он шутит – и твоя печаль, твоя неприятность растворяется. Это вообще свойство юмора – показать явление с другой стороны, так, что оно приобретает иной ракурс.

– Скажите, в чем, на Ваш взгляд, он видел свое предназначение?

– Он однозначно ощущал ценность божественного дара жизни и любви, способности чувствовать и переживать. В этом, возможно, и была какая-то часть его предназначения – в любви к жизни, к женщине.

В Исламе считается, что одно из стремлений шайтана – забрать любовь из социума: люди теряют чувство сострадания друг к другу, взаимоуважение, потом любовь исчезает между родственниками, потом – между родителями и детьми, супругами. То есть разрушаются духовные связи, все, что основано на взаимном приятии между людьми. Любовь – это самое неуловимое понятие, но если основа любви разрушается, то рассыпается все. У отца много произведений о любви. Но не просто «про вздохи на скамейках», в его стихах, как и в поэзии вообще, она имеет совершенно особый вес и особый размер. Это дар Божий каждому человеку, то, что внутренне понятно абсолютно всем. Стихи отца чувствуют и любят – они отвечают не то чтобы простым, но главным стремлениям человеческой души.

В папиных стихах особая образность, очень богатая система метафор и ассоциаций, математическая точность в передаче чувств и эмоций, в создании художественного образа. В его творчестве живое переживание становится основой для выстраивания очень значительного обобщения.

– А какое место в Вашей семье, в воспитании занимал Ислам?

– Наши бабушки и дедушки были людьми религиозными. Я хорошо помню, как бабушка молилась. Мой дедушка, известный и любимый в народе поэт Гамзат Цадаса, хоть и недолго, но был кадием (исламским судьей). В юные годы он остался без родителей, закончил медресе, работал в мечети. Он писал стихи, басни, считается основателем аварской литературной сатиры, очень хорошо знал арабский язык, переводил историческую и художественную литературу.

Когда издавали одну из антологий моего дедушки, нашлись старики, которые помнили стихи, написанные им еще в молодые годы. Дедушки уже не было в живых, а они помнили. Почему? Потому что поэзия распространялась и устно, и письменно, стихи запоминали.

Высокая поэтическая культура вообще характерна для мусульманского общества. В каком-нибудь далеком селении Дагестана или в кишлаке в Средней Азии вам будут читать стихи известного хафиза или поэта – это была часть бытовой культуры обычного мусульманина, а не какой-нибудь особой, «тонкой прослойки» общества.

Папа рассказывал, что когда он был маленький, то часто брал новые дедушкины стихи, учил их наизусть и потом красиво декламировал их на годекане. Он даже слегка «подрабатывал» этим: ему давали гостинцы за чтение с выражением, он был любимчиком. Мой прадедушка по материнской линии, его звали Кадием, был достаточно известным ученым в Дагестане. Мама рассказывала, что он почти не выходил из своей комнаты. Это было помещение, в котором все четыре стены сверху донизу покрывали деревянные полки. На них рядами стояли книги.

Сейчас этнографы часто пишут о дагестанском жилище, описывают его устройство и бытовой уклад. Но нигде не сказано о том, какое важное место в дагестанском доме занимали книги, что существовал своеобразный горский «кабинет ученого». И даже без такого «кабинета», в самых простых дагестанских домах были специальные ниши для книг. Об этом писали мало — наверное, не разрешалось.

У другого моего прадедушки, хотя он был небогат, тоже имелось небольшое собрание книг, которое он завещал своему родственнику. В Дагестане вообще было много из-вестных библиотек – даже сегодня там находят редкие издания, которые до сих пор разыскивают в арабском мире. В постсоветское время были случаи, когда таможенники пресекали незаконный вывоз старых книг за границу.

Мама говорила, что к прадедушке Кади, как в аспирантуру, приезжали ученики. Это распространенная форма образования в мусульманских странах: сначала ученики ходят в медресе, получают там общее, а не только религиозное образование, а затем, желая «повысить квалификацию», ищут себе учителя. В разных странах были известные учителя, которые специализировались в той или иной области знания – в философии, математике или в литературе.

Мой прадедушка занимался только этой научной деятельностью, а у прабабушки Салихат был свой магазинчик в Хунзахе. Она торговала и помогала мужу: за уроки ученики, как правило, не платили. И такая ученая традиция была не только в моей семье, это характерно для всего Дагестана.

– *Насколько значительное место отводилось Исламу в творчестве Вашего отца?*

– Когда мы были с родителями в Саудовской Аравии, на встрече с арабскими писателями отцу сказали: «Мы прочли ваши стихи, вашу книгу «Мой Дагестан» и сразу почувствовали, что ее написал мусульманин».

И еще они сказали: «Мы бы очень хотели, чтобы у нас был писатель, который бы так написал о нашей родине, как вы». Чувство своего дома, своей родины, как и чувство любви, – это очень по-Исламски, по-человечески.

Я называю это сохранением базовых антропологических парадигм. Сохранить их – это уже последовать воле Всевышнего ﷻ. Можно говорить и об экологии человеческой чувственности – способности чувствовать и переживать. Возможно, мы не очень понимаем ценность этого сложного механизма.

Несомненно, есть какие-то базовые чувства, заложенные в человека, и они абсолютно согласуются с волей Всевышнего ﷻ. И если человек их проигнорирует, он совершит харам (запретное). В сохранении «человечности» – одна из основ Ислама, и для папы это было очень естественно и сильно.

У моего отца не было именно тематически мусульманских стихов. Но его стихи глубоко духовны. Он передал, и читатель это почувствовал, а следовательно, и понял самые прекрасные интенции нашей души, некую систему переживаний — сильную, динамичную. Ведь, согласно Исламу, каждый рождается мусульманином, т. е. человеком, находящимся в

согласии со Всевышним ﷻ, с Его волей, Его законом. Человек рождается в этой гармонии, мусульманин покоряется ей и живет в ладу со Всевышним ﷻ.

– Сегодня, живя в Москве, Вы соблюдаете исламские каноны, читаете намаз, одеваетесь в соответствии с шариатом. Как Вы к этому пришли?

– Мне кажется, что быть неверующим даже как-то глупо. На протяжении всей своей жизни человек чувствует, что мир не ограничивается видимой его оболочкой, ощущает какие-то закономерности своей судьбы, красоту вселенной, чувствует неожиданную помощь. Даже среди самых (условно) атеистов найдется мало людей, которые хотели бы, чтобы их похоронили как собачку – зарыли, и все.

Как правило, люди хотят, чтобы их хоронили в соответствии с религиозным законом.

Я и раньше считала себя человеком верующим. Но мне было достаточно прочесть иногда какую-нибудь простую молитву.

У меня не было элементарного знания и ощущения, что намаз (молитва) обязателен. Новое знание меня обрадовало. Возникло такое чувство: мне же этого и хотелось всю жизнь! Скорее всего, это чувствует и знает большинство людей: можно очень просто, без всяких трансов, мистификаций и «выходов в астрал» обратиться ко Всевышнему ﷻ с тем, что на душе, и Он тебя услышит. Начинаешь чувствовать милость Всевышнего ﷻ и благодарность. У меня лично появилось желание не только совершать намаз, но и носить хиджаб.

Коврик не считается обязательным атрибутом молитвы и может быть заменен куском материи и т.д. Однако в развернутой композиции молитвенного ковра отразились многие мировоззренческие идеи и устремления мусульман, которые присутствуют и подразумеваются при исполнении ритуала вне зависимости от использования самого предмета. Наиболее древние из известных ковры этого типа происходят из османских мастерских XV века. Уже немногочисленные из не изменяющихся ковров XV века имеют вполне сложившуюся иконографию, сохраняющуюся в дальнейшие периоды в мусульманском искусстве. Основа этой композиции – изображение арки различной конфигурации, повторяющей форму михраба-ниши, расположенной в одной из стен мечетей и указывающей направление на Мекку, называемое Киблой, где находится главный храм мусульман аль-Ка'ба. В сторону Киблы расстилается и молитвенный коврик, закрепляя тем самым пространственную ориентацию мусульманина во время молитвы.

Патимат Гамзатова

Функции молитвенного ковра в культуре Ислама
//ГИТИС «Искусство и религия». М., 1998

Напоминание о мире, к которому стремится приобщиться мусульманин, проступает в декоративных и изобразительных мотивах молитвенных ковров. Тема Рая реализуется не только в символических элементах, но в самих эстетических качествах ковра: красоте цветовых и ритмических сочетаний, мягко-

сти шерсти, гладкости, блеске и переливах шелка, сверкании золотых нитей. Эти чудесные предметы более других произведений прикладного искусства соответствуют райским сферам. Может, поэтому, согласно кораническим описаниям, праведники, одетые в зеленые одеяния, возлежат в Раю на расшитых ложах и коврах (Коран 55:54, 76: 56:15: 76:11-22).

Многократное обыгрывание идеи Рая и высших сфер разворачивается как бы на разных уровнях, вступает в череду сложных ассоциаций. Ковер как предмет в культурной традиции Ислама устойчиво связан с идеей сада, травы, зелени, весны, а в конечном итоге и райских кущ.

Патимат Гамзатова

Функции молитвенного ковра в культуре Ислама
// ГИТИС «Искусство и религия». М., 1998

Одна из важнейших функций молитвенного ковра – это выделение молящегося в особую зону, отделение от внешнего обыденного мира. Одновременно он организует человека в этом внешнем вполне реальном пространстве. При этом человек приобщается к определенному духовному миру и оказывается включенным в социум, члены которого обладают едиными духовными основами.

В статье «Концепция пространства в исламском мире» Наджим уд-Дин Баммат так характеризует это общее пространственно-духовное устремление во время молитвы: «Но к чему же обращены эти взгляды?... Здесь нет, собственно, мечети, но это место как бы утверждает существование территории Ислама в его пространственном и историческом измерениях.

Можно сказать, что это символическая мечеть, призванная спланировать религиозную общину. Ибо точка отсчета в Мекке – это всего лишь вертикаль, указывающая направление к Всевышнему. Отсюда и принадлежность к общине определяется не занимаемой территорией, не историей и не географией, а в первую очередь отношением к этой вертикальной оси, которая должна напоминать о существовании иного измерения...

Патимат Гамзатова

Функции молитвенного ковра
в культуре Ислама

// ГИТИС «Искусство и религия». М., 1998

В коранической суре «Рахман» (55:46-78) описываются четыре райских сада. В каждом саду находится по источнику. Главным водоемом Рая является Каусар, куда стекаются все небесные реки. Там растут деревья Сидр и так называемый «Сидр крайнего предела» – главное райское дерево (53:13-15). Молитвенный ковер из коллекции храма в Мешхеде полностью следует этой схеме. В арке располагается сад и два перпендикулярных друг другу какала, разделяющие всю площадь на четыре отдельных сада, где среди цветов и деревьев находятся различные птицы. В двух верхних садах, симметрично друг другу растут два кипариса, на вершине и ветвях их сидят птицы. В месте пересечения каналов находится бассейн с плавающими в нем утками и рыбами. Круг образов, используемых в этом ковре, совпадает с образами-символами, популярными в персидской миниатюре (арка-ворота, сад, пруд с утками, птицы, кипарисы с парой птиц на каждом), столь удачно проанализированные Ш. М. Шукуровым при рассмотрении миниатюры XV века «Состязание двух мудрецов» к «Сокровищнице тайн» Низами. Так, олицетворением полного омовения, целомудрия и чистоты является утка.

Патимат Гамзатова
Функции молитвенного ковра в культуре Ислама
// ГИТИС «Искусство и религия». М., 1998

Одним из наиболее значительных мотивов, используемых в символике ковров Персии, Турции и Малой Азии, была лампа, как правило, изображенная в верхней части арки. В культурной традиции Ислама такие понятия, как лампа-свет-любовь-мысль-знание-истина-Бог, связаны воедино. Характер этих связей обусловлен образами суры «ан-Нур» (смысл): «Аллах – светоч небес и земли, свет которого подобен нише, где светильник в стеклянном сосуде как жемчужная звезда. Светильник возожжен от благословенного древа оливы, не восточной и не западной, чье масло освещает, даже если его не коснется огонь. Это светоч на светоче. Аллах ведет к своему свету того, кого пожелает, и приводит людям примеры – ведь Аллах Всемогуш» (24:35). Лампа в нише-арке молитвенного ковра расширяет и дополняет систему характеристик мира духовных устремлений мусульманина. Здесь на символической границе двух миров, у порога-ворот-двери свет представляется наиболее всеобъемлющей и в то же время до конца не познаваемой, неисчерпанной метафорой.

Патимат Гамзатова

Духовное устремление – это основа правильной организации человека, основа для совершення молитвы. На наш взгляд, не следует, однако, абсолютизировать сугубо интеллектуальную направленность в культуре Ислама. Прекрасный предмет, прекрасная форма, прекрасная вещь

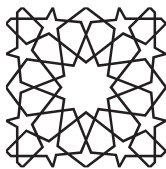
– значимы для мусульманина. Прекрасная внешняя форма – свидетельство внутренней сути. Наслаждение, любование реальным миром – одна из основ восточной поэзии, так же, как конкретное, чувственное любование и наслаждение Раем характерны для коранических описаний.

Немаловажно, что, наряду с описанием садов, плодов, водоемов, упоминаются и прекрасные зеленые одежды праведников, украшения, ковры (55: 54,76; 56:15; 76:11-22). Совершенному миру соответствуют совершенные вещи, идеальной форме – идеальная суть. Именно через чувственное, эмоциональное переживание красоты, упорядоченности природных явлений и явлений культуры человек приобщается и ощущает своим сердцем тотальную божественную гармонию, царящую во вселенной.

Патимат Гамзатова
Функции молитвенного ковра
в культуре Ислама

Омар Хайям
и ассасины:
спор о сути Ислама

Человек может поклоняться Аллаху ﷻ в Ночь Могуущества и не увидеть знамений свыше, а может не поклоняться и увидеть знамение. Но тот, кто поклонялся, лучше второго: ведь суть заключается в следовании прямым путём, а не в узрении необычных явлений, которые могут быть как Божьей милостью, так и искушением.

Из предания известно, что Пророк ﷺ вышел в рамадан к верующим, чтобы сообщить о дате Ночи Могуущества, но услышал, как двое мусульман препирались друг с другом об этом, и сказал, что Аллах ﷻ в этот миг лишил его знания этой даты.

Так лучше для верующих, ибо милость Всевышнего ﷻ безгранична и не зависит от даты. И получит её не тот, кто знает точную дату Ночи Могуущества, а тот, кого эта ночь застанет в искреннем поклонении и благочестии.

Беседа об ассасинах в конце рамадана

...В Большой мечети города Москвы, в один из последних дней рамадана, после молитвы таравих в углу собрались в кружок молодые ребята, чтобы, как обычно побеседовать и поспорить о вере и о жизни. К юношам подсел мужчина средних лет, шейх, уважае-

мый преподаватель Исламского колледжа, с лёгкой сединой в бороде, в тюбетейке.

– Устаз (учитель – прим. редактора), можно задать вопрос? – спросил молодой человек, чеченец по имени Умар. – Мы хотели узнать мнение алима об ассасинах. До Вашего прихода мы тут спорили между собой и не пришли к единому мнению, кто они? – Одни говорят, что это воины Аллаха ﷻ, исламские рыцари, а другие – что это смертники-наркоманы (в оригинале по-арабски название «ассасины» звучит «хашашины», оно образовано от слова «хашиш», т. е. находящийся под воздействием гашиша. Французы для обозначения коварных убийц, стали употреблять слово «assassin», а итальянцы – «assasino»).

Один из присутствующих по имени Зелимхан, молодой чеченец в традиционной шапочке с кисточкой, тоже поднял руку:

– Учитель, можно и мне задать вопрос? Мой сосед, дядя Аслан, рассказывал нам, когда мы были ещё детьми, что в Афганистане, где ему пришлось воевать, он видел чудо, как один солдат вывел целую роту из окружения и спас своих товарищей от неминуемой смерти. Я впервые увидел Вас в 1995 году в городе Аргуне, и мой сосед дядя Аслан был с Вами. Вы с ним встретились, обнялись как братья, долго разговаривали, смеялись, шутили и долго не могли расстаться. А потом о чем-то спорили – непримиримо, но по доброму, без злобы. Когда Вы уехали, дядя Аслан нам сказал, что Вы и есть тот самый солдат, который сотворил «солдатское чудо». И сказал, что Вы и есть настоящий воин, с которого они и тогда, и сейчас берут пример, а дядя Аслан у нас на родине в Чечне был очень уважае-

мым человеком! Когда он говорил, его не смели перебивать ни Дудаев, ни Масхадов, тем более Басаев и Хаттаб. Дядя Аслан погиб в 1998 году и стал шахидом. Учитель, расскажите пожалуйста о «солдатском чуде»!

Но тут вмешался Умар:

– Мы уже начали обсуждать вопрос об ассасинах, хотелось бы сначала закончить его.

– Я бы хотел послушать вначале ваши мнения, а потом высказать своё, – сказал учитель, присев поудобнее – а затем, иншаАллах (если пожелает Аллах), поговорим и о том, что было в Афганистане. Начинайте.

– Можно я начну? – вызвался юноша по имени Исмаил. – Ассасины – это название, которое придумали европейцы, чтобы дискредитировать мусульман. Они утверждают, что ассасины – это крупная община мусульман-шиитов, точнее: исмаилитов-низаритов. В Европу рассказы о ассасинах принесли крестоносцы и венецианский путешественник Марко Поло в XII веке и напугали ими всех: их стали бояться даже рыцари-«тамплиеры».

Ассасины объявляли приговор любому мыслившему иначе, мешавшему их планам, запугивали его, а чаще просто убивали. Открытый приговор и коварный расчерк клинка – вот грамота ассасинов.

Их имя с древних времён вызывало страх, потому что означало скорую, неминуемую смерть из-за угла. Одно упоминание о «старце гор» наводило ужас на всех светских правителей: приговор приводил в исполнение смертник, который и не пытался сохранить свою жизнь, поэтому-то и обезопаситься от него было крайне трудно.

– Да вообще невозможно! Спаситься от удара ассасинов было невозможно никак, – с жаром продолжил юноша по имени Ахмад, студент колледжа, – покушения готовилось тщательно. Убийцы проникали в свиту будущей жертвы, завоёвывали ее доверие и выжидали месяцами. Полная преданность учеников «старцу гор» и их готовность отправиться в самую отдалённую область, чтобы, не колеблясь, отдать свою жизнь, помогала ассасинам уничтожать любого противника.

Все правители Европы и Востока заискивали перед ассасинами и высказывали им своё расположение, чтобы только не стать их жертвой. Так, король Франции послал своего посла к амиру ассасинов Хасану, чтобы тот объявил о дружбе короля со «старцем гор».

Хасан пригласил посла погулять по замку, и во время прогулки посол рассыпался в любезностях и заверял, как Хасана все любят и считают своим другом.

Выслушав его льстивые речи, Хасан пошёл к балкону, с которого открывался великолепный вид на горы и были видны все башни замка. Молча, он подал жест стражнику на башне, и тот через секунду прыгнул и полетел в пропасть без единого звука. Хасан повернулся в другую сторону и взмахнул рукой, и уже другой воин с противоположной башни прыгнул молча в пропасть – как будто погнался за невидимым врагом. Через мгновение Хасан подал жест воину на другой башне, и тот ещё яростнее прыгнул в пропасть, за ним ещё один.

Затем, развернувшись к послу. Хасан спросил: много ли таких приближённых и воинов у твоего короля? Посол молчал, он был в шоке от увиденного. «У меня таких фидаев несколько десятков тысяч, а у твоего короля не найдётся и столько, сколько у человека есть пальцев. Тогда у меня вопрос – кто он? И для чего мне с ним дружить?»

– Вот это были воины!!! – воскликнул один из студентов по имени Гусман.

– Воины? – с горечью спросил Умар. – Это шакалы, которые убивают из-за угла. Ты, Гусман, восхищаешься, потому что живешь в Татарстане, и у вас не было войны. Я тебе расскажу, кто такие настоящие воины, потом может быть, если ты захочешь. Учитель! – обратился Умар. – Есть и другое мнение, могу я его высказать?

– Говори.

– Секта Хасана, а это именно секта, казалась могучей, потому что он добивался послушания двумя способами. Первый способ держался на том, что его последователи не разбирались не то, что в Исламе, но не знали даже элементарных норм шариата, которые должны соблюдать все мусульмане. Короче, были не мусульмане, а джахили (Джахилия – эпоха доисламского невежества в Аравии. Джахилиями в разговорном языке называют людей, не просвещённых Единобожием). Неучёным беднякам, не имевшим проверенного учителя-устаза, самим было не разобраться в богословских толкованиях веры, они видели перед глазами только практическую жизнь, и многих подкупала активная благотворительная деятельность исмаилитов.

Разбирающимся в первичных основах Ислама людям Хасан ибн Саббах предлагал очень оригинальные толкования текстов Корана, смущая их ум и разжигая их любопытство смелыми и далеко идущими выводами, обольщая ложным героическим пафосом и романтикой. Возразить ему при таком методе проповеди было трудно: он не следовал правилам доказательств, а эмоционально выворачивал наизнанку любую истину и переиначивал её, произнося уверенным голосом любую ложь – лишь бы поразить собеседника и убедить, что иначе и быть не может! Хасан был просто фанатиком и не ценил жизнь – ни свою, ни чужую. Вступившему на его путь возврата не было, кроме как в смерть.

Ассасины не подчинялись ни светским авторитетам, ни законам шариата, и в любой стране, где они появлялись, их самих пытались взять под стражу и

уничтожить. Но, не взирая ни на что, они упорно шли к своей цели: тщательно скрывали свою веру, чтобы жить неузнанными среди мусульман, пока не получали приказ «старца гор», по которому были готовы прыгнуть в любую бездну, лишив жизни приговорённого ими.

Они – шайтаны. У меня на Родине, в Чечне, такие тоже есть, они не чтут ни законов Аллаха ﷻ, ни законов наших предков, и, самое главное – они не уважают старших. У нас, если человек не уважает старших – лучше с ним не общаться!

И второй способ. Для того, чтобы ассасины беспрекословно повиновались и готовы были умереть по приказу в любую секунду, будущих «рыцарей кинжала» элементарно пичкали наркотиками, гашишем, и вводили в транс, в котором гипнотизировали, по сути – зомбировали. Их относили в чудесный сад: там произрастали лучшие плоды, в родниках текли вода, мёд и вино. Прекрасные девы и благородные юноши пели, танцевали и играли на музыкальных инструментах. Всё, что могли пожелать будущие убийцы, мигом сбывалось.

Через несколько дней, во время наркотического сна, их уносили из этого сада. Когда они пробуждались, им говорили, что они побывали в Раю и могут тотчас вернуться туда, если убьют врага веры. Вот таким образом и появились эти «фидай» (– жертвующие собой во имя веры. Прим.ред.)

Впрочем, вот наш брат из Казани Рустам лучше изучал этих «шайтанов» и, если вы не против, учитель, он расскажет хронологию развития секты, – закончил Умар.

– Конечно, не против, продолжай. Рустам...

– С удовольствием, мои братья и уважаемый устаз.

Немного истории, – начал он. – Как вы все, наверное, знаете, в середине VII века среди мусульман появились «Шииты» – так стали называть сторонников четвёртого праведного халифа Али , двоюродного брата и зятя Пророка Мухаммада . После убийства халифа Али вокруг шиитов сплотились все недовольные властью. Теперь халифами становились лишь арабы из рода Омейядов, установилась монархия. Их незаконная власть, считали шииты, была главной причиной неурядиц в стране. Однако их не устраивала не сама по себе монархия как доисламский способ власти в родоплеменных обществах, а совсем иное: они считали, что только прямые потомки Пророка должны быть во главе этой монархии. Вожди шиитов – имамы – являлись потомками Али по прямой линии, и значит, были ближе всего по родству к Пророку , а потому имели право на власть.

В 765 году шиитское движение ждал раскол. Когда умер шестой имам, сменивший Али, его приемником был выбран не старший сын Исмаил, а младший, и некоторые взбунтовались. Они считали, что традиции прямого наследования была нарушена, и остались верны Исмаилу. Их то и называли исмаилитами.

Затем в X веке исмаилиты основали свой халифат, названный в честь Фатимы , дочери Пророка .

Со временем их власть настолько окрепла, что в 969 году армия Фатимидского халифата, находившаяся в Тунисе, захватила Египет и основала город Каир, новую столицу. В период расцвета этот халифат охватывал Северную Африку, Египет, Сирию, Сицилию,

Йемен и священные для мусульман Мекку и Медину.

Мы здесь все едины во мнении, что их цель была одна – во что бы то ни стало разрушить Ислам. С этим согласен даже Гусман (Гусман молчанием подтвердил слова рассказчика.)

Теперь, что касается Хасана ибн Саббаха, по некоторым источникам, он родился около 1050 года в персидском городе Кум. Став сторонником исмаилитов, он знал, что выбирает долгую, беспощадную борьбу. Большое влияние на его дальнейшую судьбу имела встреча с исмаилитским проповедником очень высокого ранга Абдуль-Маликом ибн Атташем.

Он сделал его своим заместителем по проповеди и сказал: «Тебе следует отправиться к его величеству халифу».

Хасан отправился к халифу, но встреча так и не состоялась. Хасан в своих записях отметил: «Но он знал обо мне и несколько раз обо мне спрашивал».

Активная деятельность Хасана вызвала сильную ненависть со стороны сельджукских властей, и визирь Низам аль Мульк лично приказал изловить Хасана. Но некоторые говорят, что Низам аль Мульк, наоборот, помогал Хасану... а Хасан ибн Саббах замыслил сделать именно Персию оплотом исмаилитской веры, чтобы оттуда её сторонники повели борьбу с инакомыслящими: шиитами и суннитами – то есть, с большинством мусульман.

Их называли ещё «низаритами», это одно из течений исмаилитов, образованное в 1094 году приверженцами Абу Мансура Низара, старшего сына фатимидского халифа аль-Мустансира. Его приверженцы во главе с Хасаном ибн Саббахом провозгласили Ни-

зара предком грядущего «скрытого имама» и призывали к свержению суннитской Сельджукской династии.

Плацдармом для своих будущих военных успехов Хасан выбрал крепость «Аламут» в горах Эльбруса на южном побережье Каспийского моря. В момент захвата крепость, расположенная на вершине горы, была лишена воды и состояла лишь из нескольких разрушенных домов. Хасан велел провести воду, построить здания мельницы, толчеи для риса, разбить сад. К концу жизни Хасана ибн Саббаха исмаилиты контролировали несколько десятков крепостей в Дамгане, Варе, Хузистане и Мазандаране.

Хасан был строг и суров в делах управления, но он сам и его семья жили очень просто: всё время Хасан проводил дома, занятый постом, молитвой, чтением книг, разработкой учения и разрешением государственных дел. В дни праздников он наносил себе побои. За

последние 35 лет своей жизни он ни разу не опустился с Аламутского утёса и только дважды поднялся на крышу своего дома. Следуя примеру своего шейха, исмаилиты вели умеренный аскетический образ жизни: музыка и увеселительные мероприятия исключались, употребление или хранение вина было строжайше запрещено...

– Да, он святой! – воскликнул Гусман. – Учитель, извините, что я прервал, но согласитесь со мной, учитель! У него все признаки святого: он молитвенник, аскет, скромно питался, пил только воду, усмирять свою плоть, не боялся ударов по телу во время праздников – разве я не прав?

Учитель улыбнулся и ответил:

– Лошадь тоже, как аскет живёт в загоне, скромно питается, пьёт только воду, усмиряет плоть и получает удары хлыстом от хозяина, однако она – не более, чем лошадь. Святым не бывает человек, который хочет быть святым.

Рустам продолжал:

– В принципе всё, хотел добавить насчет «святости» Хасана. За нарушение своих законов он казнил одного из своих сыновей, другой его сын был казнён за участие в заговоре. За годы жизни Хасана на «доске почёта» казнённых появилось 50 имен: султаны (визири), князья, цари (эмиры), губернаторы, священники, градоначальники, учёные, писатели. Даже богословы, осмелившиеся критиковать их учение, становились жертвами: были убиты пять муфтиев и пять кадиев. Да уж, поистине святой! – съязвил Рустам.

– Глава исмаилитского государства носил титул: шейх Альджебель («старец гор»). Хасан ибн Саббах умер в Аламуте в 1124 году в возрасте 90 лет. Третий «старец

гор» Хасан II отменил многие фундаментальные положения шариата, в том числе пятикратную ежедневную молитву и соблюдение поста, снял запрет с употребления вина, разрешал музыку и танцы. Его внук Хасан III восстановил шариатские нормы и признал верховный авторитет суннитского халифа из династии Аббасидов. Но его преемник Мухаммад обвинил предшественника в отступничестве.

В XII веке на Востоке появились монголы. Когда они вторглись в Персию, вожди ассасинов, не выдержав осады Аламута, сдались им. Монголы жестоко расправились с последним имамом ассасинов и его свитой. В 1256 году Хулагу, внук Чингисхана, разгромил их. Последние их крепости в Сирии захватил в 1273 году мамлюкский правитель Египта Бейбарс.

Султан Бейбарс, который в 1273 году отнял у ассасинов последнюю крепость, дозволил им, однако, существовать в качестве секты и сам пользовался ими как орудиями убийства против меракийского князя Варфоломея и против английского принца Эдуарда, воевавшего в то время в Палестине. Такой же политики держались и последующие египетские султаны. Так, ассасины мало-помалу опустились до роли обыкновенных убийц, наёмных киллеров, которые за деньги готовы были лишить жизни, кого угодно.

После гибели последнего имама остался его сын. Он и стал наследником. Современный имам исма-илитов Ага-Хан – прямой потомок этого малыша. Но и покорные ему ассасины давно уже не напоминают коварных фанатиков и убийц, рыскавших по всему мусульманскому миру тысячу лет назад. Теперь это мирные люди.

Учитель посмотрел вокруг и обратил внимание, что в беседе участвуют не только студенты, к их кругу подсело много других мусульман.

– Может, кто-то еще хочет что-то добавить?

– Я хочу, – вызвался немолодой человек лет 45-ти, одетый в пакистанские одежды (балахон, короткие штаны) с бородой, и стал говорить, как на проповеди, громко и явно позируя. – Ассасины уверовали, что явится человек, который исправит безобразии этого мира и станет «спасителем человечества и восстановителем справедливости». Они признали этим спасителем Хасана ибн Сабаха, изобрели государство нового типа. Все прежние государства занимали определённую территорию. Их же владения состояли из отдельных замков и крепостей, их владения были везде и нигде. Они «шахиды» и...

– Извините, как ваше имя уважаемый? – прервал его один из прихожан.

– Это неважно, я из организации «Хизбут-тахрир», мы про...

– Как вам не стыдно? – остановил его прихожанин, считающийся в мечети старейшиной. – Вы пришли к нам в гости, не называете своего имени и хотите, чтобы Вас ещё слушали, у Вас все такие в вашей организации?

– Мечети – это дома Аллаха ﷻ, а значит, они не могут быть чьими-то и от имени...

– Вот такие «шайтаны» принесли огонь войны на мою родину, – поддержал старейшину прихожанин Зелимхан из Чечни, – Мы просим тебя по-хорошему: намаз закончился, можешь идти, приходи молиться и слушать проповеди, но не проповедовать, у нас есть

свои имамы, которых мы знаем, знаем их семьи, их близких, самое главное – мы уже на протяжении многих лет знаем их взгляды и знаем их образ жизни, и поэтому мы им доверяем. А как мы можем доверять совсем неизвестному человеку? Даже, если он говорит убежденным голосом и не называет своего имени!

– Да, я запрещаю этому человеку распространять тут ересь, – сказал подошедший один из молодых имамов Большой мечети в темно-сером халате и в чалме. – Устаз, – обратился он к шейху, превосходившему по возрасту имама, – позвольте я добавлю от себя про асасинов?

– Конечно, хазрат.

– Догматы и принципы этого учения можно лишь описать, но их невозможно сформулировать, так как основным его принципом была ложь! У этой секты, как и у ряда других еретиков от Ислама, действует принцип «такиййи», то есть, разрешённого укрывания правды. Если в традиционном Исламе есть только три общих случая, когда можно скрыть правду или сказать неправду: вынужденно, под угрозой смерти: на войне для победы над врагом и ради сохранения семьи (если речь идёт о разглашении досемейных грехов), то в сектах этого направления ложь разрешается всем и всегда, кроме своего начальства.

Поэтому каждая минута их жизни лжива, вы не можете знать, когда они говорят правду и говорят ли её вообще! В глубине души они отрицают любые законы, кроме своих собственных.

Это слепая преданность руководителю превращает его в последнего и наивысшего «пророка», если даже не в «сотоварища Аллаха ﷺ»!

Меня возмутило, что для людей, точнее – нелюдей, которые показали своё «ассасинство» в Беслане, Нальчике, Грозном, некоторые используют священное для нас слово «шахид». Шахид – тот, кто хотел жить, хотел выжить, хотел победить, но погиб, а тот, кто сам себя убил, тот – просто самоубийца. А если убил кого-то, кто убийства не совершал, то ещё и убийца при этом. Аллах ﷻ, хвала Ему Всевышнему, в Коране приравнивает убийство одного человека к убийству всего человечества. Разве можно называть верующими и богобоязненными людей, которые убивают заведомо невиновных людей: детей, стариков, имамов?

– Устаз, можно мне слово? – руку вновь поднял Умар.

– Говори.

– Я хочу прочитать стихотворение, которое родилось от великой горечи, которую и мне, и всему нашему народу пришлось пережить из-за этих зомбированных убийц. Вот, послушайте:

Смертники

*Забыли люди, что дано им свыше –
Глаза затмила еретическая муть.
Ведь только Богу отдаём мы души:
Аллах определяет жизни путь.
Откуда взялись эти люди, что считают
Себя достойными играть чужой судьбой? –
На дар Аллаха руку поднимают.
В кривое зеркало любят себя собой.
Ведь смысл жизни – испытанье веры.
Чтоб с верой жить, учиться, процветать.
Уметь терпеть, уметь любить без меры.*

*Достойно жить, достойно умирать.
А тот, кто сам себя считает «властелином»,
Готовым каждому отмерить жизни срок,
Бросает вызов Господину мира.
И будет суд Его заслуженно жесток!
А то, что вы в своем обожествлении
Ссылались на святые имена, -
За то в Аду, в костер подкинет вам поленья
Ваш подлинный хозяин - сатана.*

На минуту в мечети воцарилась тишина. Затем имам обратился к учителю.

– Однако, мы все уже много выступаем, пришла пора и мне, и нашим студентам, и прихожанам послушать нашего уважаемого устаза.

Хасан, Назим и Омар Хайям

– Братья! Недавно пришлось мне побывать в Узбекистане, в городе Ташкенте. На пятничную молитву я поехал на площадь имама Хаста. Мне показалось, что я нахожусь в сердце мусульманского Ташкента. Слева – медресе Барак-хана, построенное в XVI веке преемником Тимура. Здания украшают цитаты из Корана, а также красивая синяя изразцовая мозаика. Прямо напротив медресе стоит мечеть Тилля-шейх, построенная в том же веке.

После пятничной молитвы мне показали то, что я мечтал увидеть, как только об этом узнал: мне это даже во сне несколько раз снилось. Я оказался в маленькой комнате, недалеко от библиотеки мечети, в которой хранится величайшее её сокровище, в сте-

клянном ящике лежит, раскинув страницы, подобно крыльям бабочки – Коран Усмана ﷺ. Это самый старый в мире Коран, это одна из первых копий, сделанных при праведном халифе Усмание ﷺ, зяте Пророка Мухаммада ﷺ. Книге уже почти 1400 лет, её страницы из газельей кожи изъедены временем.

Но к нашей истории история этой рукописи Корана тоже имеет некоторое отношение. Как известно, после смерти Пророка Мухаммада ﷺ в 632 году аяты Корана хранились либо в разрозненных записях, либо целиком в памяти сподвижников Пророка ﷺ и нескольких тысяч коранхафизов. Именно Усман ﷺ организовал тогда работу по составлению отдельных записей в единую книгу под руководством коранхафизов, слышавших весь Коран непосредственно из уст Пророка ﷺ, когда тот читал весь священный текст целиком в Ночь Могуущества ангелу Джibraилу ﷺ, чтобы тот засвидетельствовал правильность.

Этот составленный в единую книгу и записанный в 646 году текст, стали называть потом «Кораном Усмана» по имени праведного халифа ﷺ, хотя, конечно, каждый из нас знает, что Коран не принадлежит никому из людей, даже Пророку ﷺ – это вечное и истинное слово Господа миров ﷻ. Речь идёт о записи.

Первая половина двадцатилетнего правления Усмана ﷺ была отмечена миром и быстрым ростом уммы. Мир Ислама простирался от Марокко на западе до Афганистана на востоке, а на севере призыв на молитву слышали в Армении и Азербайджане. Но во второй половине его правления было много мятежей. Не желая проливать кровь мусульман, Усман ﷺ, не подавлял волнения, хотя имел такую возможность.

17 июня 656 года мятежники ворвались в его дом в Медине и убили халифа ﷺ, которому было тогда 82 года. Он читал в этот момент суру: «Если они уверуют в то, во что уверовали вы, то последуют прямым путём. Если же они отвернутся, то окажутся в разладе с истиной. Аллах ﷻ избавит тебя от них, ибо Он – Слышащий, Знающий» (Коран, 2:137).

После убийства Усмана ﷺ, мусульманское общество раскололось надвое, что привело к соперничеству шиитов и суннитов, и этот аят точно описывает происходившее.

На страницах Корана видны тёмные пятна, библиотекарь шёпотом объясняет: «Это кровь Усмана ﷺ, ему перерезали горло, когда он читал святую Книгу». Вот, братья, даже в те времена, когда множество людей помнило Пророка ﷺ, гордыня обуяла многих настолько, что люди стали считать себя вправе лишиться жизни другого человека, даже праведного халифа, зятя и сподвижника Пророка ﷺ! Это и были первые «ассасины».

Преемник Усмана ﷺ взял Коран в Куфу, в Ирак, где Книга пробыла несколько веков. В XIV веке Тимур забрал её, как и много других произведений, когда захватил этот район, и привёз в медресе Нура в Самарканд. Там она пролежала ещё 500 лет, пока в XIX веке не началась «Большая Игра» – смертоносный конфликт между Британией и царской Россией за господство в Центральной Азии. В 1868 году Коран Усмана ﷺ был доставлен царю Александру II генералом Кауфманом, губернатором Туркестана.

Книга была передана в императорскую библиотеку в Санкт-Петербурге.

Во время революции в XX веке мусульмане Туркестана обратились с петицией к Ленину, и он без колебания принял решения – Коран Усмана ﷺ прибыл в Ташкент, где провёл почти весь оставшийся XX век в музее истории. В 1989 году он был передан в мечеть Тилля-шейх, где и остается по сей день. «Мадлен Олбрайт, Хиллари Клинтон, Владимир Путин, лидеры Ирана, Турции, Египта и Эмиратов приходили сюда, чтобы полюбоваться Кораном», – констатировал мой гид.

Но библиотекарь показал мне ещё одно чудо, о котором я и хотел Вам рассказать. В другой комнате он показал рукопись на фарси, рассказав, что это произведение было привезено сюда ещё Тимуром, который очень любил её перечитывать, и велел беречь. Это «История о трёх товарищах» Омара Хайяма. Речь идёт о великом персидском поэте и астрономе Омаре Хайяме, визире Сельджукидов Низаме аль Мульке и Хасане Саббахе – основателе Ордена ассасинов. Все трое были современниками, дружили и, более того – учились в Нишапуре у одного и того же учителя.

В далеком XI веке в городе Нишапур (это современный Иран) был учитель, имам Мовафакка, он очень любил свою профессию и считал, что именно учитель – самая главная профессия на земле. Своё первое занятие для учеников он начинал с рассказа о трёх ангелах: «Человек проживает три жизни, и в каждой из них ему сопутствуют ангелы. Первая жизнь – это в утробе матери, вторая – это земная жизнь, ну, а третья – эта та, которую мы заслужили предыдущей жизнью.

Так вот, однажды, за день до своего рождения, ребенок спросил у Всевышнего ﷻ:

– Я не знаю, зачем я иду в этот мир. Что мне там делать?

Всевышний ﷻ ответил ему:

– Я дам тебе ангела, который всегда будет рядом с тобой. Он тебе всё объяснит.

– А как я пойму его, ведь я не знаю его языка?

– Ангел будет учить тебя своему языку, он будет охранять тебя от всех бед.

– Как и когда я должен вернуться к Тебе?

– Твой ангел скажет тебе всё.

– А как зовут моего ангела?

– Ты будешь называть его мамой».

Таким образом, назидал Мовафакка, мама – это и есть первый ангел в земной жизни человека, ибо она – его первый учитель, а поэтому учитель – самая главная профессия на земле.

Хороший учитель должен воспитать такого ученика, который превзойдет его, и вот имам Мовафакка увидел, что среди всех его подопечных выделились трое самых перспективных. По ним уже в юности было видно, что они оставят след в истории: Омар, Хасан и Низам. Все трое были усердными, честолюбивыми, отличались обострённым чувством справедливости. Они искренне дружили и помогали друг другу.

Учитель Мовафакка из Нишапура заповедал им:

– Всё, о чём мечтаете в юности, несите с собой всю жизнь. Учитесь друг у друга, помните друг друга, помогайте друг другу, пусть ваша вера принесёт добро не только вам! Знайте, чтобы стать человеком, нужно потратить всю жизнь, а чтобы стать отступником – достаточно мгновения. И я твёрдо знаю, что вы, один из вас точно, прославит не только ближних, но и то время, в котором мы живём.

Расставаясь, друзья дали клятву, что тот, кто раньше других достигает успеха в жизни, поможет карьере друзей. Первым, к кому пришёл успех, оказался Низам аль-Мульк. Он стал визирем в Сельджукском султанате. Положив приличную стипендию Омару и добившись высокой должности для Хасана, Низам своему сдержал клятву.

Подробнее расскажу вам о Низаме. Низам уль-Мульк был визирем (– приблизительно соответствует должности министра – Прим. ред.) у султана Альп Арслана и у султана Малик Шаха (сына и внука татарина Торгул-бега, который вырвал Персию из рук слабого наследника Махмуда Великого и основал Сельджукскую династию). Низам аль-Мульк в Завещании, которое он написал и оставил как историческую хронику для будущих государственных деятелей, пишет следующее:

«Одним из величайших из мудрых мужей Хорасана был имам Мовафакка из Нишапура, человек высокоуважаемый и почитаемый, его блистательные годы превзошли порог восьмидесяти пяти, и бытовало всеобщее убеждение, что каждый мальчик, который читал Коран или изучал традиции в его присутствии, несомненно достигнет почёта и богатства. Именно по этой причине мой отец послал меня из Туса в Нишапур, что бы я мог заняться изучением и познанием под руководством этого блестящего учителя. Ко мне он всегда обращал свой взор, полный благосклонности и доброты, и, как его ученик, я чувствовал к нему исключительную любовь и преданность, так что провёл четыре года у него в обучении.

Когда я впервые приехал туда, я нашёл там двух других учеников такого же возраста, как и я, которые только что приехали: Хакима Омара Хайяма и пользовавшегося дурной славой Хасана бин Саббаха. Оба обладали остротой ума и самыми высокими природными качествами; и вот мы трое создали вместе тесное товарищество. Когда имам вставал после уроков, они обычно присоединялись ко мне, и мы повторяли друг другу уроки, которые слышали.

Омар был уроженцем Нишапура, тогда как отцом Хасана бин Саббаха был некий Али, человек сурового образа жизни и профессии, но еретик по своей вере. Однажды Хасан сказал мне и Хайяму: «Бытует всеобщее убеждение, что ученики имама Мовафакки достигнут богатства. Итак, даже если все мы не достигнем этого, то, без сомнения, хотя бы один из нас

сделает это. Каковы тогда должны быть наши взаимные обеты и обязательства?»

Мы отвечали: «Пусть будет, как тебе угодно». – «Хорошо, – сказал он. – давайте дадим обет, что кому бы ни выпало богатство, он должен разделить его поровну с остальными, и не оставлять себе никакого лишка». «Пусть будет так», – ответили мы оба, и на этих условиях мы взаимно обязались выполнить наши слова.

Прошли годы, и я уехал из Хорасана в Трансоксиану, путешествовал до Газни и Кабула. А когда я вернулся, то был назначен на должность и вырос до управляющего делами во время правления султана Альп Арслана».

Дальше из его рассказа следует, что прошли годы, и оба его старых школьных друга нашли его, приехали и потребовали долю от большого богатства, в соответствии с обетом школьных дней. Визирь, был щедр и сдержал своё слово. Хасан потребовал себе и должность в правительстве, на которую султан его назначил по просьбе своего визиря. Однако, будучи недовольным своим медленным продвижением вверх, он ввязался в лабиринт интриг восточного двора, более того – начал вытеснять своего благодетеля, в результате чего был изгнан с бесчестьем.

После многих неудач и скитаний Хасан, – рассказывает дальше Аль Мульк, – стал главой персидской секты исмаилитов – группы фанатиков, которые до того долго пребывали в неизвестности. Однако теперь, направляемые сильной и злой волей Хасана, они снискали себе славу, но очень дурную. В 1090 году нашей эры Хасан захватил замок Аламут в провинции Рудбар, которая

лежит на гористом участке к югу от Каспийского моря. Именно во время пребывания в этом доме в горах он получил свою известность среди крестоносцев как «старец гор», который сеял ужас по всей Европе и стал символом зла в мусульманском мире.

– Ну, о нём мы слышали уже много, так что расскажу лучше о третьем друге – Хакиме Омаре Хайяме, – продолжил рассказ учитель.

Этот человек стал гордостью уммы: в работах по математике он обогнал европейскую науку на 500 лет. В его времена в Европе не знали даже цифры 0! Невероятно высок был авторитет Омара Хайяма и как астролога. Ещё более он прославился как «царь философов Запада и Востока». В его концепции достаточно легко уживались элементы разных философских систем. Нельзя забывать, что мир узнал об Аристотеле и обо всей античной философии и логике от арабского мира. В наше время широкому кругу читателей Омар Хайям более всего известен как поэт.

Так вот. Омар Хайям также пришёл к визирю Низаму, чтобы потребовать свою долю; но не для того, чтобы попросить имущество или должность. «Самое большое благодеяние, которые ты можешь даровать мне, – сказал он, – это позволить мне жить в уголке под сенью твоего богатства, широко распространять преимущества наук и молиться о твоей долгой жизни и процветании». И когда визирь обнаружил, что Омар был действительно искренен в своём отказе. Низам больше не оказывал давления на него, а предоставил ему ежегодную пенсию в размере 1200 миткалей золота из казны Нишапура.

В распоряжение Хайяма передаётся одна из крупнейших в средневековом мире обсерваторий – исфahanская.

Здесь ему с группой лучших астрономов удастся разработать новый календарь, в основу которого был положен тридцатитрёхлетний период, включивший восемь високосных годов, которые следовали семь раз через четыре года и один раз через пять лет. Этот календарь отличала более высокая, по сравнению с григорианским, точность.

Когда Хасан вёл интриги против Низама, и Низам подумывал уничтожить бывшего друга, ставшего врагом, состоялся разговор Низама и Омара. Омар: «Ты хочешь убить Хасана, а как же наша дружба, клятва? Ведь тот, кто нарушил клятву, попадёт в Ад, а его потомки будут нести родовое проклятие сквозь поколения». – Низам: «Это всё сказки». – Омар: «Потеряешь сказочность, потеряешь жизнь». – «Ты защищаешь Хасана?». – Омар: «Нет, я за справедливость, мы же друзья! А друзья отличаются от твоего окружения тем, что всегда говорят именно то, что думают, и Хасану я сказал бы то же самое.

*Не преследуй людей по наветам чужим,
Меж людей будь разумен, и добр, и терпим.
Скажешь: «Зло я творил не по собственной воле.
Не поверит никто оправданиям твоим!»*

Вспомни, как мы гуляли, спорили, мечтали, нашей дружбе завидовали все, с нами считались, и не было предела тому, чтобы мы не достигли, мы дополняли друг друга. Только подумай – только сейчас понимаешь, что это был «кусочек» Рая». – «Да, – вдруг растаял Низам, – мы делились всем, что у нас было, и не было такой вещи, чтобы мы не отдали друг для друга. Но это – молодость, – вдруг очнулся Низам, – а в жизни всё по-другому. Нам нужны дома, деньги, власть, чтобы воплотить наши мечты в жизнь. Вот ты – учёный, астроном, но даже тебе, чтобы воплотить мечты в жизнь, нужны деньги». – Омар: «Не так много как ты думаешь Низам.

«Если бы люди поступали по Корану: богатому Аллах ﷻ даёт деньги не для того, чтобы бравировать ими и наслаждаться жизнью, а помогать бедным...».

Что нам говорил устаз? – «Аллах ﷻ не смотрит на ваши лица и на ваше богатство, а смотрит на ваши сердца и на ваши дела».

«Омар, признайся честно, – спрашивает Низам, – ведь тебе, чтобы создать машину времени, о которой мечтаешь, нужны деньги?». – «Нет, Низам, я уже её создал». – ??? – «Если мне нужно попасть в прошлое, я углубляюсь в воспоминания, а если мне нужно попасть в будущее, я мечтаю! Но у будущего есть одна особенность – стоит в него заглянуть, как оно всё ме-

няет. Непосвящённому этого не понять. И прав был учитель, когда говорил: Если правитель правит больше 7 лет, он теряет чувства и ясность и живет уже в другом мире – мире лицемерия и лжи».

«Сила, деньги и власть – вот источник процветания, – ответил Низам. А Хасан должен подчиняться или исчезнуть, у него нет выбора». – Омар: «Всё, что ты говоришь, противоречит нашей клятве, а тот кто нарушает клятву ... Тот своим грехом заслоняет от себя истину». – Низам: «Когда мы были молоды, я тоже все искал истину – прекрасное было время. А теперь ... дела, заботы, придворные интриги, и интерес к поискам исчез».

Омар: «Взгляни, визирь султана, как великолепно это гора!». – «Да, воистину так». – «А видишь тот валун у дороги? Давай зайдём за него и будем оттуда любоваться горой!».

Низам: «В своём ли ты уме, Омар?! Если мы за него зайдём, то никакой горы не увидим, всё заслонит валун». – «Вот так ты, Низам, и поступаешь, нарушая клятву: зашёл туда, где истину не только не видно, но даже и желания искать ее нет. Знай, Низам, на львов охотятся только самые отважные, а того, кто только возомнил сам себя львом, преследуют даже зайцы. И если ты идешь дорогой льва, знай его конец: старого немощного царя раздирают шакалы.

*Если все государства вблизи и вдали.
Покоренные, будут валяться в пыли –
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
Твой удел не велик: три аршина земли».*

Тем самым, ради защиты справедливости и верности слову, Омар защищал находившегося в опасности Хасана. Однако в ходе противостояния Хасан превратился для Низама в очень опасного соперника, и визирю пришлось опорочить бывшего друга в глазах султана. Хасан, узнав об этом, поклялся жестоко отомстить и бежал в Египет, где принял веру исмаилитов.

Возможно, именно в Египте у Хасана родилась идея создания тайного ордена как орудия личного мщения, и, вернувшись в Персию, Хасан стал регулярно совершать разбойные вылазки на территории Сельджукидов.

Первой жертвой ассасинов стал сам Низам аль-Мульк. Хайяму не осталось ничего другого, как вернуться в свой родной Нишапур, где он и прочёл остаток своих дней. В последние годы к славе выдающегося ученого, поэта и мудреца, он сумел прибавить славу крамольного философа – опасного вольнодумца, высмеивавшего пороки, продажность и лицемерие.

Будучи в зените своей недоброй славы, Хасан узнал о нелिцеприятном разговоре Омара и Низама и подумал, что Омар поддерживает его и его орден, и решил послать своих слуг за ним. Однажды в дом к Омару зашли несколько воинов – было сразу видно, что это ассасины, ибо они были одеты в белые одеяния с красными поясами. Такие одеяния в исламском мире Средневековья считались символом смерти (крестоносцы-тамплиеры одевались тоже в белое с красными крестами), их боялись все: от бедняков до царей.

Они зашли молча и спросили, как им найти «палаточника» («Хайям» в переводе означает «палаточник»,

что указывает на происхождение из сословия ремесленников). Омар Хайям представился, они сказали, что останутся на ночь и скажут утром, зачем пришли.

«Дай гостям такую же простую пищу, как и нам», – сказал прислуге Омар. Это очень рассердило вояк, так как они привыкли к очень почтительному отношению, и один из них отправился к Омару и сказал: «Как ты думаешь, кто мы? Мы – воины Аллаха ﷻ, жертвующие жизнями за свою страну. Почему ты не обращаешься с нами, как подобает?».

Хайям сурово ответил: «А как ты думаешь, кто мы? Мы – рабы Аллаха ﷻ, наша цель – спасение всего сущего». Воин был поражен ответом и почтительно рассказал о цели их прихода: «Старец гор Хасан попросил тайно прибыть к нему в Аламут, а поскольку он не покидает замок сам, то попросил Вас приехать к нему. Если Вы откажетесь, то мы должны извиниться и уйти. Мы впервые получаем такое задание и гадаем, кто Вы? Почему к Вам так почтительно относится «скрытый» имам – ведь он отобрал самых лучших из нас?», – завершил свой рассказ воин. И Омар отправился в путь.

Омар прибыл к Хасану.

«Хвала Всевышнему ﷻ, Омар, я тебя обнимаю и приветствую, мой сердечный друг! – с такими словами Хасан обнял Омара. Омар ответил: «Хасан – ты один мой настоящий друг, только тебе с юности я доверял, и ты оправдал мою веру временем. Ведь дружба – это когда ты говоришь, что думаешь, а не то, что хотят от тебя услышать, это уже неискренность . . .» Хасан продолжил: «Я очень рад, что тебя увидел, так как много хотел у тебя узнать» – «Спрашивай», – ответил Омар.

«Правда ли, что ты живёшь только на то, что получаешь от учебы, от стихов, то есть, по сути, продаёшь свою мудрость и на то живешь? Разве подобает такому мудрецу таким промыслом заниматься?». – «Почему бы нет? Это единственное что у меня есть, – ответил Омар Хайям, – а деньги нужны. Оглянись вокруг: люди делают деньги из ветра злобы и обмана, а я – из сердечной мысли».

Подумав, Хасан спросил дальше: «А можно ли мудрость купить за деньги?». – «Можно, если слово окажется к месту и ко времени и если сказанное поможет человеку преодолеть проблему». – «И много зарабатываешь?». – «Мудрец как сеятель – всегда сеет семена мудрости, только нельзя забывать, что урожай зависит от многих природных явлений», – ответил Омар.

Хасан сказал: «Я хотел поблагодарить тебя Омар за твою искренность и поддержку, которую ты мне оказал в разговоре с Низамом. Мне об этом рассказал его

придворный. После вашего возвращения с прогулки Низам девять дней не выходил ни к кому, молчал. Потом подозвал советников и рассказал им о вашей беседе и спросил совета и, естественно, не получил его. Все уговаривали его наказать тебя за связь со мной. И только я знаю, что ты остался верен своей клятве и был честен до конца. Даже я не уверен в своей силе духа и сомневаюсь, смог бы я так отвечать – сразу видно, что ты живёшь не только для себя».

Омар: «Тот, кто живёт для себя одного – мёртв для других. Это неправда. Хасан, я не защищал тебя и не встал на твою сторону в вашем конфликте. Я защищал нашу юность, нашу дружбу и клятву. Наш учитель хотел видеть нас именно такими, и только один из нас двоих прославит наше время, я убежден, что именно добрые дела вечны». Хасан: «Но он первый хотел меня убить, я защищался». – Нет, Хасан, это ты можешь говорить своим слугам, а я вижу всё».

«У меня не было выбора» – сказал с серьезным видом Хасан. – «Выбор есть всегда, – ответил Омар. – Все мерзости в этом мире делаются с таким лицом. Сначала ты убил Низама, потом его сыновей, а потом ты стал упиваться и наслаждаться тем, что люди стали тебя бояться. Но знай, отец может требовать послушания, султан может требовать повиновения, муфтий может требовать подчинения. Но только ты один в ответе за свою душу. При Аллахе ﷻ ты не скажешь, что просто строго выполнял приказ – это примут люди, но не Всевидящий Аллах ﷻ».

«Ты, Омар, уже прожил столько лет, а разговариваешь, как в юности. Неужели у тебя не выработалось хотя бы чувство осторожности? Ты так резко говоришь, что не только я, но и любой другой может

не выдержать твоего напора». – «Другие – это не мои друзья. Я с ними не настолько искренен, но, если я тебе буду говорить не то, что думаю, я предам нашу дружбу. И потом, я позволяю себе это говорить, ибо мы наедине, в другом случае это было бы лицемерием, – сказал Омар. – Говорите правду, если даже грозит смерть и Всевышний ﷻ будет всегда с вами – так ведь учили нас!».

«Будь кротким, как голубь, – прервал его Хасан, – и тебя обманут; будь мудрым, как змея, и тебя лишат жизни. – Торько страх руководит людьми, и только страхом нужно держать людей в «узде», страх перед смертью – вот что я выбрал. Омар, не столь мучительна сама смерть, сколь ее ожидание – это моё оружие!».

У меня много воинов, готовых умереть за меня, и я достиг того, чего хотел достичь Низам деньгами и властью. Именно страх и смерть – вот истинное оружие, и именно меня будут чтить потомки, и именно я прославлю наше время. Хотя у меня много врагов, но я пройду и через это. Я знаю, Омар, ты скажешь правду, за что тебя я и почитаю. Скажи: я достиг того, чего хотел? Меня всё время что-то беспокоит: я образовал государство в государстве, меня боится весь мир, но что-то всё равно не так! А ведь я всегда повиновался Аллаху ﷻ?».

Омар: «Твои подлинные успехи – это твоё беспокойство. Твои очи открыты, а солнца не видят. Чем больше ты имеешь власти, тем больше «крыс» в твоей душе. Вспомни нашего устаза: «Сей добро и не думай, что взойдёт, главное чистота помыслов – а помыслы могут быть разными. Бог ﷻ не смотрит на наши лица и кошельки. Он смотрит, что у нас в душе, и на наши поступки».

Зачем ты считаешь своих врагов? Сколько бы их ни было, убить тебя может только один. Отдельный человек смертен, но человечество в целом вечно. Смерть уравнивает всех, но одним она дарует забвение, а другим славу в глазах потомков, и это зависит от чистоты помыслов. Именно искренность и доброта вечны, и они побеждают зло – это утверждаю устами и твёрдо верю в это душой!

В каждом человеке борются два волка. Один волк представляет всё зло, какое есть в человеке: зависть, ревность, эгоизм, амбиции, ложь. Другой волк представляет добро, любовь, надежду, уважение к другим, доброту, верность, мудрость».

Хасан спросил: «И какой, по-твоему, побеждает?». Омар в ответ улыбнулся: «Тот, которого ты кормишь».

«Хайям, – поражённый этой улыбкой, говорил суровый Хасан, – ты, именно ты прославишь наше вре-

мя, и я это признаю. Ответь мне только честно, как ты думаешь, читая «знаки жизни», что ожидает меня и моё потомство?».

Омар стал очень серьёзным: «Справедливо, что смерть должна постигать тех, кто издавал смертные приговоры, подозрение и вероломство будут преследовать тех, кто распространял их между людьми. Преступление должно уничтожить то, что воздвигло преступления. Твоя скала, Хасан, делается местом ненависти и заговоров. Отцы будут смотреть на сыновей с завистливым страхом, а те с нетерпением будут ждать смерти своих родителей. Родственники будут избегать друг друга, а когда вынуждены будут встречаться, то один будет надевать железную кольчугу, а другой будет удваивать число охраны. Отцеубийство будет наказываться отцеубийством, и эта неумолимая судьба будет наполнять ужасом и угрызением совести потомков твоих, Хасан. Чаша с ядом будет мстить за кинжал».

Хасан выслушал всё в холодном поту, и они, молча, расстались с Омаром. Хасан после этой встречи ни с кем не разговаривал полгода.

*Душегуб и меня почитал душегубом.
Как проникся он сим заблуждением сугубым?
Он не то чтоб пригнул, он в свой дух заглянул
И увидел - себя! - в этом зеркале грубом.*

И, действительно, был период, когда какой-то очередной владыка в Аламуте, не менее развращённый или жестокий, чем его предшественники, пытался восстановить исмаилитскую веру и очистить Аламут от гнусностей, осквернявших

его, это либо было притворством, либо ему это не удавалось. Его преемники сделали только ещё свирепее.

Но мера переполнилась: в 1256 году монголы напали на ассасинов и покорили их. И свет освободился от упрёка, который навлекло на него существования подобной секты.

*«Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну а кто не грешил – разве жил? Отвечай!
Чем ты лучше меня, если мне в наказание
Ты ответное зло совершил? Отвечай!»*

В конце жизненного пути Омар совершил через весь Ближний Восток паломничество в Мекку. Совершив ночную молитву, он положил земной поклон и, стоя на коленях, произнёс: «О Аллах ﷻ! По мере своих сил я старался познавать Тебя ﷻ. Прости меня! Насколько я познавал Тебя ﷻ, настолько я к Тебе ﷻ и приблизился. С этими словами на устах Омар Хайям умер.

У дороги стояло старое, засохшее дерево. Однажды ночью мимо него прошёл вор и испугался: ему показалось, что это стоит поджидающий его стражник. Прошел влюбленный юноша, и сердце его радостно забилося: он принял дерево за свою возлюбленную. Ребенок, напуганный страшными сказками, увидев дерево, расплакался: он решил, что это привидение. Но дерево было только деревом.

Мы видим мир таким, каковы сами. Вот, в общем-то, и всё, что я хотел вам рассказать об ассасинах. Вам решать и вам выбирать из услышанного, кто из троих товарищей прославил своё время. Сделать правильный выбор будет легко, если задать себе вопрос: кому бы из них троих я отдал бы своих детей на учёбу?

Ангел-Хранитель

Устаз закончил свой рассказ, все молчали, погружившись в раздумье. Казалось, беседа закончена, но устаз не сказал завершающего «амин», ибо знал, что надо рассказать ещё одну удивительную историю из его афганского прошлого.

– А теперь я хотел бы поведать вам ту удивительную историю, которая приключилась со мной на войне в Афганистане. Я служил в Советской армии, и в 1984 году, в начале апреля, нас перебросили в Афганистан. Разместились мы под Кабулом, место называлось «Тёплый стан» в/ч 36663. Когда мы проходили воинскую службу, у нас никогда не было этнических или национальных разногласий, а близкими друзьями у меня были русский, грузин, армянин и чеченец.

В то время готовилась крупная спецоперация, 7-ая «Пандшерская операция», целью её было уничтожение Ахмад Шах Масуда – «Пандшерского льва» – это была легендарная личность. Мы не были политикам и не разбирались тогда, кто был прав или не прав в той войне: нам сказали, что мы защищаем афганский народ и законное правительство от мятежников, финансируемых из-за океана и совсем не мусульманами. Последнее, кстати, оказалось правдой. Мы выполняли приказ своей Родины, которой принесли военную присягу, а нарушение данного слова – великий грех по шариату.

В то время меня многое поражало и удивляло – Ахмад Шах был не намного старше меня, а уже был легендарным и неуловимым воином.

Пленные, которых мы брали, были гордые и не просили пощады, стойкость их поражала, хотя и мы были не из робкого десятка. Было ясно, что это не бандиты: ими двигала сильная идея, что и придавало им такую стойкость.

Нам была поставлена задача, и мы выдвинулись в заданный район. Проехали «Аминовку» двигаясь по дороге на перевал Саланг, должны были забрать в 45-ом инженерном-саперном полку бойцов, но наш командир не стал их ждать, и мы двинулись, минуя поворот на Баграм через Чарикарскую долину к Пандшерскому ущелью.

Эта спешка могла нам дорого стоить, так как конечная точка была не далеко от кишлака Руха. Кто был, тот знает, что без саперов там – неминуемая смерть.

В общем, доехали, спешились и выдвинулись. На вторые сутки натыкаемся на пастуха – красивый мальчишка лет 5-6 с любопытством нас разглядывал. Всем стало очень грустно, и каждый молил Бога ﷻ, чтобы именно ему не пришлось...

Ведь по военным негласным законам разведки, по пути следования нельзя оставлять в живых никого, так как это может помешать решению поставленной задачи, а это на войне самое главное: если не ты убьёшь, то тебя. Тем более что подразделение наше было одним из лучших в СССР, с послужным списком от Кубы и до Дальнего Востока.

Когда старший группы дал мне знак подойти, у меня внутри всё оборвалось, сразу стало всё понятно. Все двинулись вперед, оставив меня и мальчика, которого я должен был убить. Я тогда и обратился к Всевышнему ﷻ с мольбой, чтобы Он мне помог выйти из

этой ситуации, и вдруг неожиданно меня как озарило: я посадил его себе в вещмешок за спину и понёс вместе с вещами, велев сидеть тихо.

Через несколько километров на привале командир быстро меня «вычислил» и отозвал в сторонку, где состоялся очень неприятный разговор. Он был прав – ведь я рисковал жизнями своих товарищей и благополучием их семей, но я убеждал его, что риска пока никакого нет, просто моя ноша тяжелее. Что-то его убедило в моём взгляде и голосе, и он мне поверил, оставив решение этого вопроса на мое усмотрение.

Командир посмотрел мне прямо в глаза и тихо сказал: «Не подведи», развернулся и пошёл поднимать группу. А потом началась стрельба ... Мы попали в засаду, идти вперёд было невозможно, идти назад тем же путем – то же. Уйти незамеченными можно было только через минное поле, а сапёров мы ведь не дождались! Из нас самих с сапёрным делом лучше всех управлялся я, – меня и послали искать путь через минное поле. Выдвигаясь на выполнение задачи, помнил наставление моего учителя, прошедшего Великую Отечественную: «До старости доживет не тот сапер, который чувствует где мины, а тот, который чувствует, где их нет». И вот тут сыграл свою роль мальчишка.

Оказалось, что спасённый мной парень знал здесь все тропы, включая и ходы через минное поле, и вслед за ним я вывел всех наших через это поле очень быстро и без единой потери. Это было первым чудом. Далее при отходе, уже вечером, мы наткнулись ещё на одну вооружённую группу. Прорваться было возможно, но ценой немалых потерь. И тут второе чудо:

оказалось, что это были родственники спасённого мальчика, которые как раз его и искали! Найдя мальчика живым и невредимым, они отнеслись к нам по-хорошему и по пять человек пропустили. Так мы вышли без потерь. Вышли к местности, где расположен 317 полк ВДВ.

– А как вы общались с мальчиком? – спросил Рустам.

– Он был этнический узбек, а я – тоже тюрк, плюс жесты. Но самым первым была улыбка. Он сразу понял, что я не причиню ему зла. После этого я и стал жить по предписаниям Аллаха ﷻ. Позже, когда я узнал историю, в которой учитель из Нишапура говорил про «три жизни» человека

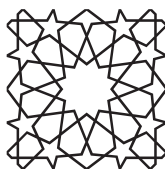
и про ангелов, которых даёт ему Аллах ﷻ, я понял, что нас защитил Ангел-хранитель этого мальчика. Правду говорят: победа не у того, у кого сила – победа у того, у кого правда!

Вот, братья, видите: можно было просто выполнить приказ, и никто из людей не осудил бы меня за это, ибо ответственность за приказ на командире. Но можно было приложить всё усердие, а слово «джихад» и означает усердие ради Аллаха ﷻ, чтобы не нарушить приказ, а постараться убедить в своей правоте командира, и Милосердный дал нам такую возможность. Ну, а то, что, ради спасения невинного ребёнка, пришлось его ночью на своём горбу вместе с тяжелым снаряжением по горам поносить – ну, так это же милость Аллаха ﷻ, чтобы такой лёгкой ценой заслужить Его ﷻ довольство! Ведь Аллах ﷻ сохранил нам жизнь, хотя – по естественным обстоятельствам – мы все должны были погибнуть в этой операции.

Поэтому то, что говорил учитель из Нишапура своим ученикам, то и я говорю вам: помните всю вашу оставшуюся жизнь и внушайте это своим детям и близким, что добро всегда побеждает зло, и побеждают не ассасины, а богобоязненные – такие, как Омар Хайям. Сегодня во всём мире мы видим символическое продолжение спора Омара, Хасана и Низама, и от нас зависит, куда пойдёт умма, кого из них она выберет для себя героем нашего времени. Ибо «воистину, Аллах ﷻ не меняет положения людей, пока они не изменят самих себя» (смысл, Коран, 13:11). Амин.

Последние дни Сююмбике

Н икогда прежде Москва не знала таких торжеств, такого упоения собственным величием. Татары разбиты, Казань разрушена до последнего камня. Царь Казанский предался русским. Пленённые жёны и девы жалкой вереницей проследовали в Московию, а мужское население, даже дети старше восьми лет, порублено и перевешано. Всё это наполнило сердца московских жителей неопиваемой радостью.

Вестники скакали по улицам русской столицы.

– Собирайтесь на площадь, поспешайте! Царь Московский и Казанский приветит, наградит каждого, кто придет. Узрите же наиприятнейшее зрелище: отсечение голов татарским царям Утямыш-Гирею и Ядигер-Мухаммеду, а также многим татарским князьям!

Царь Московский с боярами знатнейшими, героями победного похода, патриарх и свита патриаршая – все они воссели на подвыси перед огромной запруженной народом площадью.

На торжественное сборище препроводили и Сююмбике, дали ей место среди знатных московских жен, однако за ее спиной стали четверо дюжих ратников.

Лицо Сююмбике было скрыто темным платом. В первые минуты, завидев ее, люди в толпе шушукнулись:

– Сунбика, царица басурманская, ишь, спряталась под дьявольской одеждой!

При появлении Сююмбике чужестранные гости почтительно привстали с мест, опустивши взоры.

Город торжествовал, однако Иван Васильевич был угрюм. Красивейший город словно метлою подмел и обратил в пустыню, потоки крови пролил, мальчиков татарских посек множество – тут бы радоваться надо, а на душе – черно! Даже мысль о предстоящей казни – великом зрелище – не вызывала в нем бодрости. В его руках Кошчак-улан, отважнейший и умелый воитель, не раз отгонявший от Казани Иваново воинство. Вот нынче его голова опустится на плаху – что может быть лучше? Но Иван Васильевич был чем-то озабочен.

Прежде чем начнут рубить головы, татарам предлагают отречься от своей веры, но сколько же их добровольно примет крещение? Ведь посланники и торговые люди из ближних и дальних стран будут наблюдать Иваново торжество, но будет ли оно таковым, коли никто из казанцев не отречется от веры отцов? Если новообращенных будет много – вот где победа, вот где торжество! Тогда будет повержена гордость упрямицы Сююмбике! Гляди, гляди, своенравная и гордая царица, как твои люди отказываются от заповеданного предками!

Под крики одобрения и легкого сумасшествия просуществовали перед Иваном Васильевичем бояре, князья и воеводы, каждого одаривал он подарком, троекратно лобызал, утирая радостные слезы на похудевшем и недобром лице. Подарки были отменные: взятые у татар кровные скакуны, булатные сабли, расшитые кожаные

сапоги, кольца с драгоценными камнями, лисьи и соболи шубы. Затем с тою же щедростью были розданы героям войны плененные казанские жены и девицы.

Между тем играли торжественные трубы, толпа шутила, на свой лад переиначивала царское высокое пожелание: «Воистину, премудр царь, говорящий: плодитесь и размножайтесь, крестите иноземных жен и женитесь на них. С татарскою-то кровью в жилах скорей покорим басурманские земли, хо-хо!» Собака не страшна, волк не так страшен, но рожденный от собаки и волка зверь коварнее и опасней для людей.

С благим делом не стали медлить и тут же погнали плененных татарок в Москву-реку, в ледяное крошево. Многие женщины утонули, а иные, когда началось крещение, лишились рассудка от такого бесчестия. Зло завораживает – и возбужденно глазела толпа, жарко ей было в этот морозный день, жарко и приятно. Главное же действо началось потом. Пленных мужчин, окруженных веревками, подвели к месту казни, и спросил первого в ряду боярин-глашатай:

– Согласен ли ты по своей воле принять крещение? Ежели да, останешься жив и будешь возведен великим князем в чин боярский али княжеский, получишь в жены достойную девицу и владенную на управление помещьем; нет – отрубят голову.

Барбулсын, отменный рубака, много побивший врагов своих, – к нему обращался глашатай. Сююмбике откинулась было в беспамятстве, но в следующее мгновение резко подалась вперед. Охранники за спиной ближе подступили к ней, готовые удержать, замкнуть ей уста, если она вздумает прокричать что-либо неугодное.

Барбулсын спокойно сказал:

– Смерть для меня желаннее, нежели позор. Делайте свое дело.

Его толкнули к плахе, палач привычно поднял топор. Угодил точно – голова мгновенно отделилась от туловища и, стукнувшись о настил, покатила по деревянному скату, брызгая кровью. Тоненькая струйка текла к желобу, а вскоре желоба уже были наполнены, ибо отсечены были десятка полтора голов. Сююмбике шептала:

– О Всевышний, прости верных твоих последователей! Да пребудут их души в Раю...

Вопль боярина-глашатая перебил ее молитвы:

– Последний царь Казанский Ядигер-Махамет!.. Толпа отозвалась великим шумом, то ли приветствуя знакомя, то ли проклиная его за измену Москве.

– Плененный царь Ядигер, – со вкусом и значением проговаривал слова глашатай, – скажи последнее слово. Да будет тебе известно: ежели примешь веру Христову, царь Московский дарует тебе жизнь, опричь того – боярский чин, даст в жены красавицу Марию Кутузову, княжескую дочь, и во владение получишь Серпухов с предместьями, будешь противоречить – смерть.

Площадь замерла. Словно щеколда стукнула не звонко – неужто стук Ядигерова сердца?

– Что ж, – сказал, усмехнувшись, Ядигер – Я согласен. Где бы добро ни сыскал, там его и взял.

Толпа взревела, трубачи заиграли громче прежнего. Ядигер приблизился к Ивану Васильевичу и, дерзко усмехнувшись, опустился перед ним на колени.

– Несчастный, – сказал Иван Васильевич, – теперь-то осознал наконец могущество Руси и лукавство казанцев? Подымись и сядь рядом со мной. – И с любовью обнял его, как брата.

Между тем еще несколько татар согласились принять крещение. Сююмбике подумала: «Куда баран, туда и стадо». Но, Боже Всемилостивый, очередь дошла до Утямыш-Гирея.

– Утямыш-Гирей, сын Сафа-Гиреев, молви свое слово.

На площади – спокойная тишина. Быть может, даже и добрая... Сююмбике не отрывала взгляда от сына. А мальчик не смотрел в её сторону; замороженный и больной, он видел перед собой отрубленные головы, бездыханные и окровавленные тела. Страшны глаза

мертвецов! По краю площади пробирались подводы, груженные телами казненных. Он тихо проговорил:

– Я согласен...

– Громче! – не утерпел мастер страшной игры глашатай.

– Я согласен, – повторил мальчик и заплакал. И его, плачущего, под громкие вопли толпы подвели к Ивану Васильевичу и посадили рядом. Тот обнял мальчика, но мальчик искал глазами её.

– Мама!..

Иван Васильевич усмехнулся и дал ему татарский ножик с костяной ручкой. Утямыш всхлипнул раз другой и, взяв ножик, стал его разглядывать. Сююмбике отвернулась и больше не смотрела в сторону сына. Коченело тело, в глазах – муть холодная и безобразная. Вот вырисовалась картина, очертания незнакомы, а человек, тяжело ступающий к месту казни на грубых деревянных костылях...

– Кошчак, Кошчак-улан! – услышала она возглас Утямыш-Гирея.

Глашатай запоздало оповестил:

– Охранитель ханши, начальник над войском казанским Кошчак-улан.

Вослед улану медленно тащились еще до трех десятков пленённых казанцев, Это были воины отважнейшие, и каждого Сююмбике знала в лицо.

«Всемиловитый, дай мне силы и ясности во взоре, чтобы хоть глазами приласкать верных моих слуг!» Они еще не знают, что здесь же, возле помоста, их жены и дети. А те до этой минуты не знали, что их мужья и отцы живы; думали, погибли на Елабужской дороге. Видно, иная гибель суждена им Богом.

Голос глашатая уже похрипывал – устал боярин.

– Ежели примешь крещение, царь Московский вернет тебе жену и детей. Они здесь, знай, улан...

Кошчак огляделся. Неужели его семья не успела уйти к Ногаям или в Крым? Нет! К нему подводят Аминэ и двух стройных отроков, сыновей.

Потянулся к сыновьям через ограждение, но когти разъехали по настилу, он упал, но продолжал тянуться к краю помоста. Жена шагнула еще ближе, стала говорить, как в бреду:

– Мой милый, ты жив?

– Я жив, милая. Я остался жить, чтобы еще раз встретиться со смертью. – Затем он поднялся, как раненный зверь, и шагнул в сторону плахи. – Я пришел в этот мир правоверным мусульманином, и в мире ином, надеюсь, меня не оставит милость Всевышнего.

В руке у него оказалась сурна, неизвестно каким чудом сбереженная на груди.

– Последний напев, – сказал он тихо. Затем громче, глядя на темную затихшую толпу:

– И последнее мое слово! Впрочем, московскому властителю мне сказать нечего, я скажу посланникам и гостям торговым, тем, кто нынче пользуется гостеприимством Москвы и смотрит на забавы, какие она устраивает для своих гостей.

Смотрите, однако не забудьте уроков, которые дает вам лукавая русская столица. Властители и до Ивана лишали жизни своих противников, обязывали их данью, обращали в рабов, но редко кто осмеливался посягнуть на родной язык побежденных, на веру и правила совести, по которым жили они прежде.

Уроки Москвы вы поймете позже, но теперь, вернувшись в свои страны, скажите: татары и под топором палача не изменяли своей вере и заветам отцов!

– Аминь! – тихо отозвалась Сююмбике. – Потомки узнают про отвагу твою и отцов многих сынов казанских.

Кошчак окончил речь и поднес к губам сурну. Быть может, для сонмища людей этот напев был не более чем ритуальным знаком веселого зрелища – отсечения человеческих голов. Но может статься, что человеческая печаль и верность понятны каждой человеческой душе, ведь песни могут быть чужды, но печаль всегда понятна и близка.

Внезапно музыка оборвалась, сурна оказалась отброшенной. Кошчак прыгнул к палачу, выхватил у него топор, ударил. Помощники палача в панике отбежали от разъяренного Кошчака; пленники, разорвавшие оковы, отняли у них оружие и стали биться. Толпа забушевала, ратники бросились к месту схватки...

– Кошчак! – вскричала Сююмбике и простерла к нему руки. – Кошча-а-а-а!..

Сеча быстро кончилась, татары полегли на булыжные камни, но с ними же легли и десятка два русских. Польский посланник сказал, ни к кому не обращаясь:

– Уразумев! Однако... гибель, достойная войновиков, но не трусов.

Боярин-глашатай дрожащим голосом объявил о завершении торжеств. Сююмбике еще до этого поспешно увезли во дворец, где Иван Васильевич обычно устраивал увеселения.

Минуло две недели, прежде чем пленную царицу вернули в ее жилище на Балчуге – в беспамятстве. Другини при виде своей покровительницы содрогну-

лись. Ее тело и некогда прелестный лик кровавились новыми ранами. Одежды, пропитавшись кровью, затвердели, и нельзя было их снять, груди и плечи несчастной были покрыты огромными синюшными пятнами. Трое суток Нургатай не отходила от истерзанного тела, пытаясь примочками и нежными касаниями руки облегчить страдания ханши. На четвертые сутки Сююмбике издала слабый стон. Нургатай потребовала молока и стала смачивать заскорузлые болячки и мягко отдирать от тела одежды, измятые и темные. Наконец Сююмбике открыла глаза. Смерть отступила до поры...

Она написала несколько строк к сыну. Но письмо ей вернули. Служилый татарин сказал:

– Человека по имени Утямыш в Кремле нет. А есть Александр Саввич. Так что извольте обращаться к Александру Саввичу.

Её рука не пожелала написать это чужое имя, письмо написала Нургатай. Сын не ответил. Но вот прошло две недели, и на Балчуге объявилась шумная конная ватага. Впереди на маленькой караковой лошадке ехал Утямыш-Гирей, ее ненаглядный сын. Боярские сынки, сопровождавшие Утямыша, поспрыгивали с лошадей и разбежались по двору.

В первое мгновение Сююмбике не узнала сына: в раззолоченной епанче, на левом боку – сабля в ярких ножнах, справа за кушак заткнута пищаль-ручница. И мальчик тоже не узнал мать, заоглядывался. Нургатай тихо подсказала:

– Перед тобой мать, Утямыш.

– Сынок, – сквозь слезы прошептала Сююмбике. – Жеребеночек мой!

Улыбка причиняла ей боль – не смогла улыбнуться. От плача ужасно исказилось бы ее истерзанное лицо, и плакала она нутром – лик был неподвижен. Она уловила во взгляде сына жалость, изумление и словно беззгливость. Прикрыла лицо краешком платка и позвала:

– Подойди ко мне, сынок. – Но сын отшатнулся от нее, – Утямыш, кровиночка моя! – с пронзительной болью воскликнула Сююмбике. И услышала:

– Я теперь не Утямыш. Меня зовут Александр... Александр Саввич Киреев. – И тут он просунул руку в одежды и показал крестик.

Её тело было истерзано, дух унижен, она познала горе, потеряв первого и второго мужей, познала рабство, ее чудный сад сокрушен, чудный город, в котором она была счастлива, в руинах...

Но теперь... когда она увидела сына с крестом на шее, она поняла: оборвалась последняя ниточка, что связывала её с прежним миром и с самой жизнью. Однако она нашла в себе силы обратиться к чужому отроку – к сыну, предавшему мать:

– Для меня ты Утямыш, я другого сына не хочу знать.

Он помолчал и сказал:

– Пожалуй, я больше не смогу приезжать к тебе. Великий князь не велит. – Он снова помолчал. – А знаешь, он ко мне ласков. Сделал меня боярином. И всегда обращается ко мне «сын мой!» Меня крестили в Пудовом монастыре... Ничего... И теперь мой крестный отец – митрополит Макарий.

Разговаривая с матерью, он то вынимал из ножен сабельку, то потрагивал пищаль. Тут Найденыш, пу-

шистый щенок, взлаял на шумных боярских отпрысков, играющих за ближней грядой кустов. Утямыш взял пищаль и выстрелил в щенка. Щенок пронзительно заверещал, кинулся в конуру и там кончился.

– Утямыш! – вскричала она. – Что ты? Что с тобой случилось?

– Молодец, Саша! – сказал кто-то из боярских сынков.

– Утямыш, и ты, подобно Ивану, бессердечен...

– А ты не говори так о царе Московском и Казанском, – ответил мальчик.

Она почувствовала дурноту. Нургатай дала ей чаю с каплями и привела в чувство. Сююмбике отдышалась и сказала отроку:

– Твой отец, хан Сафа-Гирей, был известен миру как человек мужества и чести. Его убил тот, кто называет тебя «сын мой». Царский дом, заповеданный тебе Всевышним, он превратил в руины, мужей казанских поубивал, а их детей крестил против воли... Вернись же в лоно заповеданного Всевышним и его Пророком Мухаммадом! Иначе гореть тебе в адском огне.

Нургатай бросилась к своему любимцу и, взяв его за руку, потянула к столику в беседке:

– Я чаю тебе налью, садись... Ах, не верь кяфирам, они обманули тебя посулами и ласками! Послушай матушку...

Сююмбике продолжала:

– Осознаешь ли происходящее? У покойного Сафа-Гирея и его ханши Сююмбике не стало сына по имени Утямыш. Ты вероотступник...

– Матушка, что же мне делать? – Глаза его увлажнились, он отставил пиалу с чаем и поглядел на мать с испугом и мольбою.

– Всевышний Милостив, он не оставит того, кто покается и обратит взор к предлинной стороне – кибле.

– М-м... но я не знаю как.

– Ты мужчина, носящий оружие. Пусть сорок капель крови истекут из тебя, ты же взмолился к Всевышнему: «О Всемиловитый и Милосердный, видишь: перед тобой неразумное создание, прости меня и верни мне благость. Я обманулся, но теперь искренне каюсь в содеянном!» И Аллах простит тебя, ибо нет границ Его милости.

Она встала и, крепко схватив его за руку, повела в глубь сада. Ритуал был исполнен. Сююмбике заплакала и обняла сына. Плакала Нургатай, чистой тряпичей обматывая тонкую кисть отрока.

– Матушка, – сказал Утямыш, – а никак Иван прикажет убить?

– Ты молчи и не подавай вида. Потерпи: твой дед, эмир Юсуф, и твои дядя дадут Ивану большой выкуп, и мы вернемся домой.

Он молча кивнул, затем медленно повернулся и пошел от матери. Набежали боярские сынки, стали тербить товарища и звать на игры. Он все так же молча взобрался на смирную караковую лошадку и тронул поводья. Сююмбике смотрела вслед отъезжающему сыну, и странный был у нее взгляд: печальный, но и словно холодеющий с каждым ударом изнемогшего сердца. Неосознанно она перетирала что-то в ладони. Ладонь разжалась, и Нургатай увидела: зеленоватое крепкое зернышко. Яд!

– Бике! Что ты задумала? Ты хочешь погубить себя?

– Нет, – глухо ответила Сююмбике. – Это предна-

значалось ему. Если бы он не раскаялся, я положила бы это ему в пиалу.

– Он младенец... он... я так его люблю, о бике!

– Его погубят рано или поздно: Москве опасен прямой наследник Казанского престола. А те, кто переменил веру и доказывает верность Москве... те, иные, но не Утямыш, те все одно останутся для русских погаными татарами. – Она говорила то тихо, то громко, и странный, странный был у нее взгляд – взгляд провидицы.

О том, что произошло в саду на Балчугской стороне, Ивану Васильевичу стало известно в тот же день.

Прошла неделя, затеяли охоту, взяли с собой юного казанского царевича, чтобы он рассеял печаль и скуку... Печаль и скука пропали, ещё раньше пропала его душа, и голову положил невинный, в сущности, отрок. По слухам, упал с коня, набежали борзые и загрызли царевича насмерть. Не стало Утямыш-Гирея, не стало и Александра Саввича. Его, почитаемого сыном, Иван Васильевич велел похоронить в Архангельском соборе рядом с русскими правителями.

– Знать, родила я сына в черный день, – сказала Сююмбике. – Бог судил ему страшное... Не по грехам ли нашим?

Эмир Юсуф, ранее просивший великого князя московского отдать ему внука и дочь и не получивший ни единого ответа на свои послания, написал Ивану Васильевичу снова: «Верни же, верни мою несчастную дочь!» В другое время просьбами ногайского правителя не пренебрегли бы, но теперь Ивану Васильевичу не был страшен ни эмир, ни правители Хаджи-Тархана и даже Крыма. Эмир не получил ответа. Чужестранным посланникам, спрашивавшим о судьбе ханши, Иван Злонравный отвечал:

– Царица пребывает в почете, и житье у нее беспечальное. Наши вороги лгут, будто я чиню ей обиды и притеснения. А я, знайте, заботясь о ней, нашел ей доброго мужа, хана Шигалея.

И в самом деле, нельзя же было отдавать царицу ногаям и ждать воскрешения Казани. Куда лучше держать ее поблизости. И, не спрашивая ее согласия, Сююмбике препроводили в Касимов. Касимовские жители (едва ли не каждый имел болгарские и казанские корни) встречали Сююмбике с любовью искренней и сострадательной.

Однако лик некогда прелестной ханши поразил касимовцев: в ее чертах не было жизни. Поползли слухи, будто царица повреждена рассудком, – и никто ее не посещал, и в гости к себе тоже не звал. Добрые – жалели издали, недобрые – злословили.

Шах-Али не знал, что и делать. Родичи прямо говорили ему: «Зачем взял в жены оскверненную и сошедшую с ума Сююмбике?» Он молчал, хмурил жиденькие брови и не находил ответа. Родичи злы и завистливы, с его побуждениями считаться не хотят, но разве знают они, несчастные, что на душе у него?

Судьба смеялась над Сююмбике. Она помнила, как на ее свадьбу в светозарной Казани прибыл этот человек, родной брат ее мужа. Какою-то затхлой сыростью пропитывался воздух вокруг него, пахло болотом, и сам он напоминал большую склизкую жабу.

С тех пор многое переменялось. Вот уже на чужой стороне, по чужой воле ее выдают замуж за отвратительного человека. Впрочем, все равно. Все худшее уже случилось. Нет прежней Сююмбике, а теперешняя бездушная плоть – не она.

Жизнь кончилась, последние вести с родимой стороны лишь подтверждали это: ее брат Акрам-Али, собравший было войско и одержавший несколько побед над русскими, убит продажными людьми; Исмагил-

мурза убил ее отца, эмира Юсуфа, и воцарился в Ногаях.

– Однако, – проговорил Шах-Али, – обижаешь небрежением. Виноват ли я?

Да, надо ему ответить. Она поднялась с мягкого, но неудобного сиденья и прямо глянула на говорящего. Сказала:

– Сын Шейх-Аулияра из рода Чингизидов, тебе не стоит оправдываться. За долгие годы служения нашим врагам ты достаточно оскотинился...

Он поморгал воспаленными глазками, шаркнул ногой по деревянному крашеному полу, но смолчал.

– Всевышний создал тебя неплодным, – продолжала Сююмбике, – неплодным, чтобы не плодились подобные тебе. Известно: от труса рождается трус, от бездушного – бездушный. Все в тебе отравлено, и нет тебе покоя и не будет, потому что ты предавал всё то, чем жили твои предки. Ты не упокоишься даже в могиле.

Сююмбике умолкла. Он оставался недвижим, лишь в правой руке всколыхнулись четки мелким серебряным дребезгом. Казалось, он обращается к Богу, называя в уме все его девяносто девять прекрасных имен. Пальцы двигались, но сознание молчало.

Четки выпали из пальцев. «Может, водки выпить? – подумал Шах-Али. – Водка дает забвение, не зря русские любят свой напиток». Поразмыслив так, он повернулся и вышел из покоев.

Оставшись одна, Сююмбике огляделась. Этот дом, она знала, принадлежал первой жене касимовского правителя Фатиме-ханум.

После ее смерти здесь никто не жил, в углах копилась паутина, дом сырел и зябнул. Наверху была ба-

шенка, по виду напоминающая минарет, туда в иную минуту женщина поднималась, чтобы глянуть в сторону родной Казани. И там однажды она умерла.

Так, думая о Фатиме-ханум и чужой печалью отстраняя свою, она зашла за штору, где был ее столик, стояли таз и кувшины с водой, совершила омовение и, переодевшись в чистые одежды, вернулась в комнату. Вдруг она тихо засмеялась.

Смех ее был жутким; глаза оставались широко раскрытыми и не участвовали в смехе, смеялся лишь голос. Можно было подумать, что она плачет, но слез не было. Смех резко оборвался, она постояла недолго, затем открыла маленькую, окованную серебром шкатулку, вынула из бумажной обертки зеленоватое зернышко и не раздумывая проглотила его...

Боковая узкая дверь с филенками – вход на узкую пыльную лестницу, ведущую наверх. Сквозной ветер открыл еще одну дверцу – к минбару. И тем же сквозняком беззвучно раскрылись двери в спальню Нургатай. Девушка тут же вскочила и выбежала. Раздернула занавесь перед ложем Сююмбике – ложе пустовало. Нургатай, тихо вскрикнув, пробежала в боковую дверь.

– Бике, бике, родненькая, где ты? – взывала она, подымаясь по шатким ступенькам. Проснулись прислужницы.

– Кто? Кто там, на башне?

Нургатай, не отвечая на возгласы, пробиралась в потемках наверх. Но вот через полуотворенную дверцу в минбар показался полусвет раннего утра. На площадке Сююмбике не было. Где, где она, родная, горемычная? Перевесившись через решетчатое

ограждение башни, Нургатай глянула вниз. Там, раскинув руки, вся в белом, как будто летела в холодное и серое утро царственная Сююмбике. Увы, не летела, а лежала – на твердой и темной плоскости. Нургатай отчаянно вскричала:

– Бике, о-о, бике! Драгоценная, добрая! Ты была красою Ногайского поля, гордостью и радостью Казани! Зачем, зачем оставила меня? Без ласки твоей и дня не проживу...

Вконец обессиленную, ее отвели в спальню, дали усыпительных капель. Тихо стало в покоях, как и надлежало быть у здешних мусульман. И тихим был упокоенный смертью лик Сююмбике. Отчетливей проявились ее красивые черты, вместе со стихшей болью унесло следы обиды и страданий.

Прости, прости!..

Шах-Али, узнав о смерти Сююмбике, почувствовал облегчение. То неразрешимое, что стояло между ним и этой женщиной, решилось свыше. Аминь! Он велел похоронить ее достойно, но сам на кладбище не явился.

Очень сдал здоровьем Шах-Али. Между тем лекари не находили в нем явной болезни, позвали было знахарей, но он их прогнал, стал угрюм и нелюдим, на приглашения погостить в Москве отвечал: «Нет, я болен». По целым дням хан пропадал в своей мечети, в задумчивости перебирая четки. И однажды умер на молитвенном коврике.

Незадолго до его смерти близкие говорили ему:

– Хан, надмогильный камень Сююмбике чищен и глажен. Какую суру Корана, или аят, или иное слово прикажешь надписать?

Он долго не отвечал, затем вяло сказал:

– А ничего не надо писать. Поставьте так.

Камень водрузили, ничего на нем не надписав.
Только закончили дело – увидели над кладбищем ворона.

– Отврати, Всевышний! Это ведь черная птица...

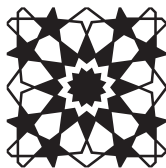
– Великий мор грядет – отврати, Всемилостивый!

...

«Исправить дух – вот
цель была стараний ...»
Габдулла Тукай

«*М*изнь моя ... была непривлекательной и довольно мрачной, но вместе с тем и интересной», – так начал свой автобиографический очерк великий татарский поэт Габдулла Тукай. Да, история жизни этого человека, закончившаяся в 27 лет, полна драматических событий, но живое сердце, огромный поэтический дар и душа верующего человека оставили нам – потомкам – в наследство стихи и прозу, дающие силу искать свой путь и «сражаться за себя без усталости и лени».

Пара лошадей

... Вдруг я слышу громкий голос: «Эй, шакирд, вставай же, встань!»

Вот она перед тобою ненаглядная Казань».

Встрепенулось мое сердце, и в душе зажглись огни:

– И-но, поехали! Эй, кучер, поскорей в Казань гони!

Приглашает всех к намазу первый утренний азан.

О Казань! Мечта и гордость! Лучезарная Казань!

Вот они, где наших дедов, наших прадедов дела,

*Где не раз душа поэтов свет надежды обрела.
Здесь науки, здесь искусства, просвещения воль-
ный мир,*

Здесь живет моя голубка, моя гурия!

1907

Жизнь

*Лишения, жестокость и обиду
Умей сносить, не подавая виду.
Не первый ты, не будешь ты последний,
Сражайся за себя без усталости и лени.
Как жизнь сама, в борьбе черпаешь силы,
Не одолеет жизнь такого до могилы.
Ты бросил вызов и не жди пощады,
Ждут победителя трофеи и награды.
Жестокость жизнь и кровожадней тигра,
Но не бежит от тигра лев постыдно.*

*Не близят стоны к смертному порогу,
Кто ищет, тот всегда найдет дорогу.
Дерзай, дерись до крови и до пота
И не надейся, что поможет кто-то.
А если кто, услужлив, подвернется,
То хвастовства потом не оберешься.
Будь на пути твоём успешном в гору
Ты сам себе надежда и опора.
Пусть о тебе потом никто не скажет:
«Я посадил, а он не смотрит даже».*

1909

Мое завещание

*Обретя успокоенье, возвратись, душа, к Творцу,
Обращенная спиною, обрати лицо к Нему.
Все друзья, родные! Муллам поручаю вам сказать,
Чтобы строки эти праху прочитали моему.
Пусть неверные дивятся, увидав мои слова:
С верой пламенной Корану поклоняюсь одному.*

1909

Родной аул

*На горе был построен родной мой аул,
Под горою родник, он к аулу прильнул,
Вкус воды ключевой, этих мест красоту
Всем моим существом, всей душою люблю.
Здесь родился, и здесь свет глазам моим дан,
Здесь впервые читать довелось мне Коран,
Здесь узнал, как учил и как жил Магомед,
Как страдал наш пророк, претерпел сколько бед.
Не забыть никогда, что здесь видеть пришлось,
Как в забавах счастливое время несло.
Как пред нами, когда старший брат мой и я
За сохой шли вдвоем, раскрывалась земля.
Где ни буду я впредь и каких только дел
Совершить мне ни даст Богом данный удел,
Буду в памяти вечно хранить, как живой,
Образ родины детства, деревни родной.*

1909

Без названия

*Коль хочешь ты народа душу тронуть,
Тончайшие из самых тонких струны,
Тогда не место смеху, шутке грубой,
Сумей из сердца скорби стон исторгнуть.
Темны, безрадостны дороги жизни,
Кого судьба навстречу нам ни вышлет,
Страданием наделил его Всевышний,
Задень слезка, и горе брызнет.
Бедняга человек! Снаружи весел,
Хоть мир души его смятенной тесен.
Ни для кого не праздник жизнь, и если
Есть среди людей безбедный, то безвестен.
Забиться может разве только пьяный,
И то на время лишь, налившись ядом:
«Премудрость мироздания необъятна,
Песчинка в нем, я все ж премудр изрядно»*

1909

Молитва матери

*Летний вечер. Взошла над большою деревней луна.
В серебре все дома. Лунным светом окрестность
полна.*

*Тишина. Погружен в крепкий сладостный сон –
устает*

*От зари до зари на работах крестьянский народ.
На деревне ни звука. Покой безраздельный царит.
Только в доме на самом краю свет в окошке горит.*

Там старушка, с души отряхнув груз мирской, в
поздний час

На коленях стоит, отслужив свой вечерний на-
маз.

Подняла руки к Богу, возносит о сыне мольбу:

«Если б, Господи, счастья сыночку Ты дал моему!»

В тишине капли каплют: слезы, сердечная, льет,

Неужели, скажите, молитва ее не дойдет?

1912

Назидание

Когда с мольбой о подаянии проситель встанет
у ворот,

Остерегайся грубым словом в нем человека по-
бороть.

Он, как и ты, хотя и нищий, Алаху он такой
же раб,

Стоит с протянутой рукою, несчастный, сам
себе не рад.

У жизни различать умеете вы не одну - две
стороны:

Её задворки и фасады, что на показ обращены.

Богатство, слава, положение вращаются, как ко-
лесо,

Брат сегодня, а на завтра ты - как шайтан,
бедней ещё.

Есть что подать - подай, не можешь - скажи,
на слово не скупясь.

*Тот с бородой белой старец, быть может сам
Хозыр-Ильяс.*

1910

Самоубийце

*Спасть от жизни горестной желая,
Невыносимой мукою терзаем,
По размышлении, свёл с жизнью счёты,
В могилу обрести покой сошёл ты.
Однако заблуждаешься, товарищ:
Гореть себя в огне ты обрекаешь.
Исчезло лишь твоё изображение,
Остались жить твой дух, твоё значенье.
Причина на земле твоих мучений
В душевной порче, в этом нет сомнений.
Исправить дух - вот цель была стараний.
А смертью не избыть твоих страданий.
Цела, гниёт рубашка - эка дело!
Ненужная одежда наше тело.
Но если бы не свёл ты с жизнью счёты,
Святому делу посвятил заботы,
Тебе Господь готовил искупленье,
Ты поспешил содеять преступленье.
Сгноить в могиле тело мало толка,
Ивырнувши шапку, не спастись от волка.*

1910, апрель

Родной язык

Родной язык! Прекрасный, чистый, святой родительский язык!

Как много я на этом свете через тебя, язык, постиг.

Словами долгих твоих песен меня баюкивала мать,

Не уставал потом ночами я сказкам бабушки внимать.

Родной язык! В тебе едином я помощь находил всегда,

Был с детства раннего понятен ты, словно радость иль беда.

Родной язык! Молясь ребёнком, я трепетал от слов твоих:

«Прости меня за презрешенья, Творец, спаси моих родных!»

1909

Подборка стихов из книги: Габдулла Тукай. Стихотворения и поэмы. Автобиографическая проза. – Москва: Инсан, 2003. Перевод с татарского языка Венеры Думаевой – Валиевой.

«Я молитвы чистые люблю» Магомед Ахмедов

Друг и преемник Расула Гамзатова, народный поэт Дагестана Магомед Ахмедович Ахмедов сегодня по праву является одним из ведущих поэтов горного края. Великий поэт завещал Магомеду:

*«Мой друг, оставляю тебе, уходя,
Я книгу стихов, где чисты все страницы,
В которой надежда моя, как дитя,
Еще не успела на свет появиться ...
... Еще оставляю тебе, Магомед,
Небесную азбуку звезд, по которой
Способен прочесть настоящий поэт,
Что сбудется с нашим отечеством скоро ...
... От белой напасти спасения нет
И от сквозняков больше некуда деться,
Но я завещаю тебе, Магомед,
Мою не допетую песню в наследство ...»*

С присущим чутьем поэта Расул угадал в Ахмедове гения чистоты и неподкупности, преданности поэзии и способность нести тяжелую ношу руководителя Союза Писателей многонационального Дагестана.

Магомед Ахмедов поэт с чистой душой, и требующий от других такой же чистоты.

*Я молитвы чистые люблю,
Четки звезд ночами терблю.
И угрюмый рок мне говорит,
Что я шейха звездного мюрид.*

Читая эти строки народного поэта, невольно задумываешься о чистоте молитв, задаешься вопросом, насколько чиста наша совесть, да и вообще, что является мерилom чистоты? Пространство? Луч утренней зари? Дождь? Не знаю. Трудно объяснить. А Ахмедов ответил просто и гениально – Четки Звезд. Способность тербить ночами четки звезд, при этом читая чистые искренние молитвы, дана только поэту – набожному поэту. А слово «поэт» тоже в последние годы хоть и потеряло свой прежний блеск, всегда олицетворялось с чистотой, свободолюбием и величием. Но свободу, приобретаемую словом, поэт не тратил на низменные и земные дела, он его возвращает Тому, Кто одарил его гением.

*В горах сияет солнце поутру,
И гордо блещет горная река.
С Тобой родился – и с Тобой умру,
И лишь с Тобой умрет моя строка.*

Это Ахмедов обращается к Господу ﷻ, подчеркивая этим бессмертие таланта и силу слова. Умение обращаться ко Всевышнему ﷻ и смелость обращаться к Нему ﷻ с мольбой даются людям чутким, открытым,

благодарным, честным и чистым. Когда этот поэт в угрюмом роке может видеть и называть себя «шейха звездного мюридом» – наверное, это есть чистота. Чистота помыслов, слова, слога, вздоха и своего звания – мюрида.

Когда стих превращается в молитву, сливаются воедино две величины. Когда, дополняя друг друга, немая мольба, исходящая из глубин души, ложится в мастерски сложенные строки, и они передаются из уст в уста тысячами людей, вот это есть чистота таланта и гения, которая дается поэту только Всевышним ☪. Это нельзя приобрести, выкупить, выработать, это дается свыше вместе с призванием поэта.

Чистота и только чистота может сделать голос поэта смелым и громким. Чтобы он мог прозвучать в любом месте и вернуться, не запятнав себя.

*Ты ответь мне, о, Родина, как мне тебя полюбить?
Посмотри на страдания бедных своих стариков,
Захлебнись их слезами отныне – во веки веков.
Ты прислушайся к стону несчастных твоих матерей,*

*Объясни: как им жить без любви и молитвы твоей?
Я у Бога прошу (никогда ни о чем не просил),
Чтоб в тебе Он потерянный стыд воскресил.
Я у Бога прошу, чтоб срастил Он Истории нить,
Мне без прошлого, Родина, в будущем незачем жить.*

Чтобы можно было заботиться о родине, нужно стать частью ее, влиться в нее. Нужно чувствовать пульс во всех ее жилах. В этом стихотворении поэт

поставил на одну линию стариков и прошлое. Видя их страдания, поэт обращается к родине с тем, что обрывается нить, связывающая с прошлым. А прошлое, как известно, есть основа нынешнего и опора завтрашнего. Вообще, ахмедовской поэзии свойственно обращение к Господу ﷻ. Не оттого ли, что каждый раз, читая ли книгу шейха, перебирая ли четки, данные им, или видя самого шейха, автор вспоминает о Всевышнем, Великом Создателе – Аллахе ﷻ. Об Аллахе ﷻ Милостивом и Прощающем.

Не оттого ли Ахмедов свой цикл стихов назвал «Четки». Ведь четки – это своего рода путеводитель к чистоте и спасению.

В самих четках мы видим нечто загадочное, спасительное для себя. Когда перебираешь четки, вряд ли можно не читать молитву. А всякая молитва – это и есть прошение, а прошение – это унижение своего эго. И только тот, кто смог убить свое эго в себе, не дав ему выйти, может быть великим. А величие охватывает и время, и пространство, каким бы коротким ни была жизнь поэта.

*Если черной кажется судьба,
Убери печаль рукой со лба,
И окно в пространство отвори,
Чтобы лучик утренней зари,
Средь надгробных просияв камней,
Стал бы эпитафией твоей.*

А может, светлый луч солнца, освещающий мир и через другие надгробья, высвечивающий надпись на твоём надгробье, и есть истинная чистота. А может,

чистота – это чистый лист бумаги, на который должны ложиться строчки чистых молитв, которые любит читать поэт.

*Песни, дававшие свет душе,
Стали теперь никому не нужны.
Веком, успевшим прогнать уже,
В черной печи они сожжены.
Дождик идет, и это не вдруг –
До пробужденья рукой подать.
Это благодать Аллаха, мой друг,
Тихо звучащая благодать.*

*Кому не нужен Божий дар,
Тому не нужен и Господь –
С младенчества он будет стар,
И сморщится душа, как плоть.
Единственно высокий чин –
Чин человечности. Так вот,
Скажи, зачем же нет мужчин –
Матрешки водят хоровод.*

*Не для того человек рожден,
Чтоб жить в хлеву – не такая стать.
Дождем можно стать, можно стать вождем,
А можно поэтом внезапно стать.
Жернова вечности не повернуть,
Трудно у века быть поводырем.
И если уж спину пред кем-то гнуть,
То перед Аллахом, а не пред царем.*

xxx

Живешь обычной жизнью мирской,
И взгляд Аллаха тебе не в укор.
Зло и до рыбы дойдет морской,
Добро увидят и на вершинах гор.
Жизнь прозрачна, как лепесток
Розы или вода ручья Горного.
И все еще жив Восток,
Но мудрость его до сих пор ничья.

xxx

Тот, кто совесть имеет, мне
Понятен и свой для меня:
Даже в чужой стороне
Есть у него родня.
А тот, для кого одни
Деньги и барыши,
Даже средь близкой родни
Родной не найдет души.

xxx

Чтоб вечности злую нить
Не отпустить во тьму,
И чтоб любовь сохранить,
Заточили ее в тюрьму.
Люди, не будьте злы,
Доверьте свой страх судьбе
И, как вершину орлы,
Храните любовь в себе.

xxx

Слово твое - на твоих весах,
Слезы иль счастье - канут во мгле.
Вечность твоя - на небесах,
А не на этой скорбной земле.
Стук сердца со стуком вечности сверь,
В этом поможет тебе Аллах -
И лишь тогда, ты уж поверь,
Слово твое станет жить в веках.

Ошибки исправить легко
Тому лишь, кто никогда
Не знал, что лжи молоко
Черней, чем правды вода.
И чтобы увидеть свет,
Надо уйти во тьму.
А ведом на все ответ
Лишь Господу одному.

Не совесть теперь блестит,
А золото и серебро.
Но люди помнят про стыд
И про бывшее добро.
И сколько уж лет подряд
Бесы шепчут: «Уйди!» -
Но четки мне говорят:
Сиратский мост впереди!

*Заглянув на мгновенье в иные миры,
Сердце катится в пропасть с вершины горы.
Если б строил иначе свое я житьё,
Не пропало бы бедное сердце мое.
Только стоило все же отчаянно лезть
На вершину, чтоб слышать небесную весть.
Пусть теперь впереди неизвестность и страх,
Сердце знает: оно побывало в горах!*

Слепой

*Опираясь на посох, смешавшись со зрячей толпой,
Красоту мирозданья, смеясь, восхваляет слепой.
Вездесущего Бога его славословят уста,
Но не слышат слепца - никому не нужна красота.
Он, встречая зарю, поднимает лицо к небесам,
Но не виден рассвет горемычным незрячим глазам.
Красоту мирозданья, смеясь, восхваляет слепой,
И над ним, тыча пальцем, хохочет прохожий любой.
Кто он - ангел, поэт, звездочет?
На кого он похож?
Загляни в свое сердце - и сразу, приятель, поймешь.*

xxx

*Белый цветок на черной скале -
Счастье, выросшее на почве несчастья.
Глядя на него,
Я понял одну простую вещь:
Всегда можно быть*

*Для кого-то зажженной свечой,
Если ни перед чем
Не склонять головы.*

БОЛОТО

*Как трудно, наверно, болоту
Всю жизнь оставаться болотом
И выглядеть круглым болотом
В глазах насекомых и птиц!
А впрочем, оно довольно,
И тащит насильно в объятия
Любого, и жадно глотает -
А в чреве его, как в аду.
Такое вот злое болото,
Без сердца и без дыхания.
Его ничего не волнует,
Оно нигде не течет.
Лишь звери ночные знают,
Как молится Богу болото,
Чтоб Он превратил его в речку,
Но хочет ли этого Бог?*

Надпись на книге Шейха Саида-афанди из Чиркея

*Если жизни истончилась нить,
Разве можно звезды в том винить?*

Если черной кажется судьба,
Убери печаль рукой со лба
И окно в пространство отвори,
Чтобы лучик утренней зари,
Средь надгробных просияв камней,
Стал бы эпитафией твоей.
Свой талант избавь от пустяков,
От нелепиц и от сорняков -
И неважно, выпадет ли дождь -
Как зерно, тогда ты прорастешь.

xxx

Я молитвы чистые люблю,
Четки звезд ночами терблю.
И угрюмый рок мне говорит,
Что я шейха звездного мюрид.
Для того, чтоб здесь закрыв глаза,
Обрести свой свет внезапный за
Тем, что называется судьбой, -
Лишь тогда я стану сам собой.

xxx

Капли слез, капли слез, капли слез -
Обессилен и сердцем ты болен.
Капли слез, капли слез, капли слез -
Может, разум судьбой не доволен?
То ль роса на ресницах твоих,
То ль в стихах моих дождь быстротечный?
Капли слез - откровенье двоих,
И, возможно, извечный путь млечный ...
Капли слез, капли слез, капли слез,

Как летящие мимо мгновенья.
Капли слез, капли слез, капли слез,
Как святою водой омовенья.
Я стою, словно в трещинах дом,
Счастье, что ж не шагаем мы в ногу?
Этот мир – настоящий Содом
И рыдания ему не помогут.
Время мудрое лечит от грез,
Мы бредем по откосу речному...
На щеке твоей – капельки слез,
Будто звезды по небу ночному.

Аварской речи родниковый плеск,
Что может быть тебя на свете лучше?
Как дальних звезд неутомимый блеск,
Повсюду мне светил твой добрый лучик.
В какой бы ни пришлось тонуть реке, –
Душою никогда не занемею.
И сердце на аварском языке
Еще не раз вам скажет: «Честь имею!»

Всю жизнь мне хотелось бы выпить до дна.
Все цели найти, все истоки.
Восстав из глубин, растолкнув времена,
Мгновенья дают мне уроки.
К каким только не выходил невзначай
Колодцам, скитаясь по свету ...
Хрипела болотная жижа: «Хлебай,
Глотай, если лучшего нету».

*Я клялся идти лишь на чистый огонь
И пить родниковые воды.
И капли насквозь пробивают ладонь,
Судьбу пробивают и годы.*

Трость

*Я иду, опираясь на трость старика,
По дороге, проложенной в толще веков.
До меня прошагали здесь сто стариков.
Посох мой, как река, разрезает века.
Я иду, опираясь на трость старика.
То песок или снег под ногами вопит?
На изломах, где слово, как лава, кипит,
Не устанем ни я и ни эта клюка,
Что колотится в плиты спрессованных плит,
Как глухие колодцы, вскрывая века.
Эта бездна под ногами не так глубока:
Бросишь камень – и кровь до тебя долетит!
Словно гвоздь, эту трость загоняя в века,
Я иду сквозь века, опираясь на трость.
Неразрывны мы с ней, как собака и кость.
Я иду, опираясь на трость старика.*

Прости мой неразумный стих

АРАФАТ

Поэма

Пролог

*Я восхожу на гору Арафат.
А над моею головой суровой
Грохочет глас небесный, как набат,
Чтобы молитвой стало мое слово.
Грохочет мое сердце, как набат,
Крута моя судьба, а не полога.
Я восхожу на гору Арафат,
На небеса ведет меня дорога.
Глаза мне застилают смертный страх.
И сушит губы огненная жажда.
На нас, в грехах погрязших, зрит Аллах.
За все ответим перед Ним однажды.
Я восхожу на гору Арафат.
Я возношусь в облачную тему.
Молитвенно и слезно сердцу в лад
Слова мои слагаются в поэму.
Молитвенно и слезно небу в лад
Вступаю я с собою, грешным, в битву ...
Я восхожу на гору Арафат,
Стихи мои слагаются в молитву.*

Арафат

**Даже тот, кто проведет жизнь властелином мира,
С собой уносит лишь надетый на него саван.
Саид-афанди аль-Чиркави**

*Здесь солнце рас калилось добела.
Одежды белы, словно смертный саван.
Аллаха милость щедрая дала
Спасенье правоверным мусульманам.
Такбир-молитва рвется в небеса,
Чтоб прорасти в них, как ячменный колос.
Всех мусульман живущих голоса
Сливаются в один единый голос.
Здесь понимаешь, что твой смертный прах
Бесследно канет в призрачные неги.
И нет другого Бога, лишь Аллах!
И истина одна для всех на свете.
Веками неизменно круглый год
На горестной гряде у Арафата
Молитвенный людской круговорот
Переплавляет каменное плато.*

*Здесь скорбь неизреченная в глазах.
И каждый болью обшей в сердце ранен.
А имя Бога нации – Аллах!
А званье человека – правоверный мусульманин.
Мой Арафат – Священная гора,
Сомкнувшая разорванные звенья,
В молитве ты ко мне была добра.
И на тебе для Бога склоняю я колени.*

*Пред Судным днём испытывая страх,
Устами воспалёнными своими
Здесь каждый воздыхает: «О Аллах!»
И возвращает небу его имя.*

Просьба

**Дни этого мира
Проходят быстр.
С последним вздохом в искренней вере
Да вступим мы на истинный путь.
Саид-афанди аль- Чиркави**

*На этой горестной земле
Не дай погибнуть мне во мгле.
Прошу тебя, Аллах!
Убереги родной язык -
Святой отеческий родник.
Прошу тебя, Аллах!
Не дай мне чашу серебра,
А дай терпенья и добра.
Прошу тебя, Аллах!
Дай мне удачи и любви
И на стихи благослови!
Прошу тебя, Аллах!
Мечеть, пророка и Коран
Для излечения от ран.
Прошу тебя, Аллах!
Дай мне негаснущий очаг.
Чтобы оттаял сердцем враг.
Прошу тебя, Аллах!*

*Не размыкай сердечный круг,
Чтоб не отбился друг от рук.
Прошу тебя, Аллах!*

Белые тени

**О, Аллах, как печалится сердце
О днях, что прожиты зря!
Саид-афанди аль-Чиркави**

*Я взошел на гору Арафат
Я промыслил о небесном чуде.
Журавлями белыми парят
Над горой молящиеся люди.
Я припомнил о тебе, Расул,
Мой собрат народный и былинный.
Арафат-гора - святой аул.
Клип над ним сомкнулся журавлиный.
Я взошел на гору Арафат.
Вклинился в круговорот всевышний.
И тому безмерно в жизни рад,
Что средь журавлей и я не лишний.
Мудростью провидческой своей
Первым предсказал Расул Гамзатов,
Что в молитве стоя журавлей
Кружит над священным Арафатом.
Над горой священной Арафат
В скорбном и молитвенном смятенье
Журавлями белыми парят
Белого паломничества тени.*

Лаиллаха иллалах

Не жался языки,
Чаще упоминай Аллаха ...
Саид-афанди или Чиркави

*В Коране, на мечети, на клинке
Есть надпись на арабском языке,
Внушающая всем неверным страх
Святыня - ЛАИЛЛАХА ИЛЛАЛАХ!
В Каабе на божественной парче,
У воина Аллаха на мече,
На моем сердце и в моих стихах
Прочтете - ЛАИЛЛАХА ИЛЛАЛАХ!
На Арафате и в моих горах
Я слышу - ЛАИЛЛАХА ИЛЛАЛАХ!
И в нашем мире и в иных мирах,
Повсюду - ЛАИЛЛАХА ИЛЛАЛАХ!
Что означает - БОГ ОДИН - АЛЛАХ!*

Первая мольба

И коль так узок сиратский мост,
Кик же мы будем проходить по нему
Саид-афанди аль-Чиркави

*Дай солнце небу моему
И просветление уму,
И проведи меня сквозь тьму.
Молю тебя, Аллах!*

Ты мирозданье смог создать.
Дай всем живущим благодать,
Чтоб о других смогли страдать.

Молю тебя, Аллах!

Когда уйду в глухую мглу
Не сыпь на голову золу,
Не лей горящую смолу.

Молю тебя, Аллах!

Открой глаза мои и грудь
И мое сердце не забудь.
На истинный сподвигни путь.

Молю тебя, Аллах!

Разноязыкий мой народ
Не преврати в безродный сброд.
Упрочь людской непрочный род.

Молю тебя, Аллах!

К лихим хулителям моим
Будь благосклонен и терпим.
Не добавляй терзанья им.

Молю тебя, Аллах!

Ты сотворил людей и свет
И сонм космических планет,
Не дай всему сойти на нет.

Молю тебя, Аллах!

Умерь мои тщету и блажь.
Не дай скатится в злобный раж.
Прими мой сокровенный хадж.

Молю тебя, Аллах!

Миры земной и неземной
Лежат во мгле передо мной.
Не дай пройти их стороной.

*Молю тебя, Аллах!
Не ввергни душу в пустоту.
А по сиратскому мосту
Дай пронести мою мечту.
Молю тебя, Аллах!
Покорен я своей судьбе.
Себя вверяю я тебе.
Не оставляй меня в мольбе.
Молю тебя, Аллах!
Не отвергаю божий страх
В своих глазах, в своих слезах.
Прими мой грешный смертный прах.
Молю тебя, Аллах!*

Вторая мольба

**Будь благодарен за то, что тебе дано,
Может, уже наступил день,
Когда, установив плиту на твоей могиле.
Живые вернутся с кладбища
Саид-афанди аль-Чиркави**

*Есть только вера у меня
До судного святого дня.
Прости меня, Аллах!
Грехи согнули меня вниз
И я над пропастью повис.
Прости меня, Аллах!
Твое дыхание во мне.
Душа горит в его огне.*

Прости меня, Аллах!
А сердце все в себе хранит.
И рвется птицею в зенит.
Прости меня, Аллах!
Мой Арафат в моих глазах
В моих купается слезах.
Прости меня, Аллах!
Меня, заблудшего, спаси,
К вершинам веры вознеси!..
К твоим стопам упал, скорбя.
Безмерна милость у тебя.
Прост и меня, Аллах!
Погрыз я в суетных грехах.
В гордыне затоптал свой прах.
Прости меня, Аллах!
Стихами, сердцем и судьбой
Всегда и всюду я с тобой.
Просит меня, Аллах!
Взойдя на гору Арафат,
Я заглянул и в рай, и в ад.
Прости меня, Аллах!
Великой милостью своей
Мои сомнения развей.
Прости меня, Аллах!
Внимая сердцу и уму,
Молю мир дому твоему.
Прости меня, Аллах!
Один лишь саван я возьму,
Когда уйду в глухую тьму.
Прости меня, Аллах!
Ты мир вселенский сотворил

*И предо мной его открыл.
Прости меня, Аллах!
Воспламенил уста и кровь
И дал небесную любовь.
Прости меня, Аллах!
Папаху милости надень
Прости меня, Аллах!
И бурку в ноги брось мою,
Чтоб был аварцем я в раю.
Прости меня, Аллах!*

Разговор с сердцем

**Пчела, дающая ароматный мед,
Радуетя, когда пьет из цветка.
Саид-афанди аль- Чиркави**

- *Куда ты, сердце, из груди?*
- *На Арафат.*
- *Вот пред тобою он, гляди - Твой Арафат.*
- *Куда летят твои мольбы?*
- *На Арафат.*
- *Куда глядят глаза судьбы?*
- *На Арафат.*
- *Куда мои устремлен талант?*
- *На Арафат.*
- *Куда мечты мои спешат?*
- *На Арафат.*

*Спасение в меня вдохни,
Мой Арафат.*

*Храни, храни меня, храни,
Мой Арафат.
Я омывал в мольбах слезьми
Мой Арафат.
Прими, Аллах, меня прими.
Я буду рад.*

Третья мольба

**Земное имущество – это дикая лань,
Она разбивает надежды многих.
Саид-афанди аль- Чиркави**

*Пока тобою я дышу,
Твой свет в своей груди ношу.
Я в Ад кромешний не спешу.
Благодарю, Аллах!
Пророк любимый Мухаммад
Вдохнул мне в сердце Газават.
Грохочет сердце, как набат.
Благодарю, Аллах!
Иман – нетленный мой Коран.
Кааба – дом всех мусульман. Да, избежит меня
шайтан.
Благодарю, Аллах!
Когда я мыслю о тебе.
Сверкает мир в моей судьбе
И свет царит в мольбе.
Гора святая Арафат,
Хирам, Сират и Арасат,
Души моей цветущий сад.*

*Благодарю, Аллах!
Прости мой неразумный стих
// всех гонителей моих.
Я весь, как сеть, в руках Твоих.
Благодарю, Аллах!*

Эпилог

*Хотя мы и хозяева
Грехов, больших, как горы,
Кто может оценить веру,
Что таится в сердце?
Саид-афанди аль-Чиркави*

*Грехами, что порой сорил,
Шайтана я благодарил.
Будь милостив, Аллах!
Когда шагнул на Арафат,
Я свой исполнил Газават.
Будь милостив, Аллах!
Мне с неба горний глас вестал:
«Теперь ты человеком стал».
Будь милостив Аллах!
Вступаю в двадцать первый век,
Как правоверный человек.
Будь милостив, Аллах!
Покинул век двадцатый я
Через руины бытия.
Будь милостив, Аллах!
Мне мир казался миражом.*

*Я был врагами окружен.
Будь милостив, Аллах!
Теперь в молитвах и слезах*

*Я очищаю грешный прах
И ощущаю смертный страх.
Будь милостив ко мне, Аллах!*

Перевод с аварского Евгений Семечев

В любви я
выдохнул признание
Ему – Владыке
всех Миров ...

Казбеков Ачакан Гамзатович – поэт и публицист. Автор поэтического сборника «Прелюдия к молчанию». Кандидат наук, доцент. Работал лаборантом, научным сотрудником, инженером, журналистом. В настоящее время работает в системе Российской академии наук. Автор более 50 работ художественного, научного и публицистического характера, опубликованных в России и за рубежом.

«Перед нами изящное приглашение задуматься, наконец, над смыслом жизни и сделать шаг на пути к преодолению бездуховности. Всякое начало, как известно, трудно, но тропа, ведущая к истине, просветлению, к Богу, открыта для каждого»

Камиль Ханмурзаев,
доктор филологических наук,
профессор

«... В его стихах нет истинной поляризации, противостояния, противопоставления – всё слито в

единстве метаморфоз: Вселенная и Земля, Любовь и Ненависть, Тьма и Свет, Миг и Вечность, Красота и Боль ...»

Таиба Гаджимурадова,
кандидат филологических наук, доцент

* * *

*Нет мрака, если нет прозренья,
Нет веры, если нет сомненья,
Нет обретенья без потерь,
И нет потерь без обретенья.
Нет смерти, если нет рожденья,
И нет тропы без заблужденья,
Нет блеска звезд, коль нету тьмы -
Есть лишь Всевышний без сравненья.*

* * *

*Весь мир в тебе - Писании Священном.
Весь мир объемлет Золотой Коран.
Безмолвие - симфония Вселенной.
Безмолвие - прозренья Океан.
* **

*Сегодняшний день завтра станет вчерашним
И будет смешным то, что было ужасным.
В уныние впасть не спеши, если даже
Поблекнет вдруг то, что казалось прекрасным.
В различии звуков - звучание лиры
Различны богатства царя и факира.
Задуман так мир - всё должно изменяться,
И вечна лишь только изменчивость Мира.*

* * *

Мне как-то рисовалось полотно,
Там белое лицо на белом фоне,
Как скрыто выразительно оно,
Воздушный лик на облаке-балконе.
Так может только мысль-воображенье,
Холсту и слову это не дано.
Всё явное теряет упоенье,
И скрытое лишь прелести полно.
Жизнь гонит мысль о том, что смерть
неумолима.

Незгоды нам страшны, а блага нами чтимы.
Но мир есть свет и тьма, и помнить надлежит:
Ладье скитаний два весла необходимы.

х х х

Гордыня - ласка слабости убогой.
Нам данное Творцом - своим считаем.
- За что? кричим, - Беда колы у порога.
Когда же счастливы, «за что?» - не вопрошаем.
Кто прожил век свой, не страдая,
Тот не поймёт блаженства Рая.

х х х

Под изгом времени стареют
Полотна мастеров больших.
Всё рукотворное бледнеет,
Лишь золотится Божий стих.

х х х

Живём в тревоге - сколько нам осталось?
Стучат сердца, но что в нас отозвалось?

*Что толку в ста годах тобой прожитых,
Коль сердце до тебя не достучалось?*

** * **

*Всё – опьяняющий мираж.
Моя любовь, мои тревоги,
Вдаль уходящие дороги –
Картин печальных вернисаж.
Всё суждено, как в вещем сне,
Где я подвластен высшей воле,
И стих как эхо тайной боли,
И жизнь как реквием по мне.
Всё было. Есть. Всё унеслось.
Жизнь. Смерть. И снова началось.
И исповедуюсь, как жил,
Своих грехов немой свидетель.
Прими, о Боже, добродетель
Ту, что, не ведая, вершил.
Зачти мне искренность мою,
И стих, где сердце обнажил я,
А тех, кого в миру любил я,
Убереги, Тебя молю.*

Ожидание

*Жизнь ворошу свою бессонную,
К финалу замедляю бег,
Даль созерцаю отрешенную,
Из-под своих припухших век.
Что было в жизни моей ценного?*

*Любовь, поэзия, семья?
Куда походкою надменной
Проходишь мило, жизнь моя?
Вселенский реквием за ставнями
О жизни печной возвестил,
И силуэт последней гавани
Волшебный абрис свой явил.
Воспел и проклят мир поэтами,
Жизнь - ускользающий фантом,
И с древа грез, судьбой раздетого,
Сорвал листву предвечный гром.
Глаза, наполненные осенью,
Глядят сквозь дымку суеты,
И борода с заметной проседью,
И поседевшие мечты ...
Сад тишины вуалью тайною
Сокрыв всевидящую даль,
Летит в ту даль стрелой хрустальной
Моя крылатая печаль.*

Мольба

*Сказал Пророк в хадисе достоверном
О том, что спящим человек живёт,
И лишь в момент прощанья с миром бrenным
Он, пробудившись, вечность обретёт.
Проснись, пока ты жив, не будь беспечным,
Покорно обрати к Творцу свой лик,
Склонись пред Ним, Прощающим и Вечным,
Найди себя и знай - Аллах Велик!*

Познай себя и сбрось оковы лени,
Иманом сердце освети, мискинъ,
Иди через сомненья к несомненности,
И сердцем повторяй - Аллах Един.
Тернист и труден путь, ведущий к Раю,
Я пред Аллахом вечный пилигрим,
О, Милостивый, лишь к Тебе взываю,
Ихдина-ссират-аль-мустаким.

К Тебе я обращаюсь о, Всевышний,
Наполни смыслом жизнь мою, дела,
В саду Ислама пусть не буду лишним,
Склоняюсь пред Тобой, Субхан Аллах.
Ислам в лучах божественного света
Нам раскрывает смысл бытия,
Я - раб Твой, всё моё величье в этом,
Я - раб Твой, и горжусь лишь этим я.

х х х

И вдох, и выдох - милость Бога,
Его обитель - наш приют.
Он щедро стелет нам дороги,
Увы, не все по ним идут.
Вдохнув все краски Мирозданья,
Что поэтичней всех стихов,
В любви я выдохнул признание
Ему - Владыке всех Миров.

х х х

Самость ложную трудно в себе победить
Жизнь - джихад, место боя с собой.

*Я – бунтарь, я никак не могу помирить
Свою жизнь со своею судьбой.*

** * **

*Узор волшебный, как халат с плеча султана,
Расшитый золотом, на небосводе дремлет,
Звезда читает суры из Корана,
Благоговейно Полумесяц внемлет.*

** * **

*Чем глубже вера, чем твой дух смиренней,
Тем меньше ты в глазах толпы герой.
Чем чище сердце, выше устремленья,
Тем более ты сред людей изгой.*

** * **

*Кто праведником был – тому лишь в Рай дорога
Проживший грешником наказан будет строю.
Во мне живут, увы, и тот, и этот.
Какое ж место мне дано там будет Богом?*

Содержание

Ислам и мусульмане в русской литературе XIX века	3
Ислам в творчестве А.С. Пушкина	16
Достоевский и Ислам	32
Иван Бунин: «Никто моей души не знает, кроме Бога»	40
Лев Толстой и Ислам	56
Я вовсе не один – со мной Аллах В безмерном одинокестве вселенной	64
Омар Хайям и ассасины: спор о сути Ислама	98
Последние дни Сююмбике	140
«Исправить дух – вот цель была стараний» Габдулла Тукай	161
«Я молитвы чистые люблю» Магомед Ахмедов	169
В любви я выдохнул признание – Ему Владыке всех Миров	194

Благотворительный фонд «Путь»

www.islamdag.ru

Руководитель проекта «Любимая книга» - Патимат Гамзатова

Ответственный за выпуск - Ахмад Магомедов

Редактор - Хаджи-Мурат Раджабов

Корректор - Айна Леон

Дизайн и вёрстка - Хадиджа Баймурзаева

Никто моей души не знает, кроме Бога. – Махачкала, 2010. – 203 с.